

Лиза Рене Джонс
Исповедь души
Серия «Наизнанку», книга 3

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=8373115
Исповедь души: [роман] : АСТ; Москва; 2014
ISBN 978-5-17-079775-2

Аннотация

Отношения людей искусства с женщинами всегда не просты, но когда обезумевшая от ревности бывшая пассия Криса покусилась на жизнь обожаемой им Сары, скромной работницы галереи, он понял: пора действовать.

Что может быть лучше, чем увезти любимую в самый романтичный город мира – Париж! Туда, где они смогут забыть о прошлом и начать все сначала.

Однако путь к счастью для обоих, увы, нелегок, ведь вокруг художника снова сгущаются мрачные тени прошлого, грозящие погубить не только его самого, но и его возлюбленную...

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	10
Глава 3	14
Глава 4	20
Глава 5	26
Глава 6	33
Глава 7	38
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Лиза Рене Джонс

Исповедь души

Роман

Среда, 11 июля 2012 года

Полночь, и я сижу на балконе отеля на Мауи. Шорох океанских волн, накатывающих на берег, как наркотик, немного успокаивающий смятение у меня в душе. Трудно поверить, что я теперь путешествующий по миру искусствовед. Я, Ребекка Мэйсон. Путешественница. В это так же трудно поверить, как почти во все, что произошло со мной за этот последний год.

Мой новый мужчина всего в нескольких шагах, лежит обнаженный и неотразимый в нашей гостиничной постели, пресыщенный изысканной едой, выпивкой и страстным сексом. Секс. Вынуждена называть его так. Не могу назвать это занятиями любовью, хотя он охотно называет. Хотелось бы и мне повторить то же самое. Ох, как хотелось бы.

Почему я не в постели, не прижимаюсь ко всем этим великолепным мускулам, не купаюсь в этой бесподобной мужской чувственности? Должна бы, но мобильный телефон у меня на коленях – причина того, почему я не там, с ним, а здесь, на балконе. «Он» оставил мне сообщение с просьбой позвонить. Он, которого я просто не могу забыть, не могу перестать тосковать по его прикосновениям, поцелуям, порочному свисту флоггера, хлещущего мою кожу, что одновременно и боль, и наслаждение.

Я борюсь с желанием набрать его номер, убеждая себя не делать этого. Мой новый мужчина заслуживает большего, равно как и я заслуживаю большего, чем то, что мой Господин когда-либо предлагал мне. Позвонить ему значит оскорбить и моего теперешнего мужчину, и себя. Если бы только в его словах не чувствовалось отчаянного желания поговорить со мной... что просто нелепо. Человеку, которого я знала, отчаяние неведомо.

Последние несколько недель были наполнены восхитительной страстью и чудесными открытиями как в спальне, так и за ее пределами. Мне бы следовало наслаждаться всем этим и мужчиной, который сделал подобное возможным. Он красивый, успешный и сексуальный во всех смыслах, но не деньги привлекают меня в нем. Меня влечет его страсть к тому, как он делает эти деньги, как проживает свою жизнь, как занимается со мной любовью. Он в высшей степени уверенный, ни за что не извиняется и принимает себя таким, какой он есть и кто он есть, и все же... он не тот, кого я называла Господином или когда-либо буду считать таковым. Я не понимаю, почему не люблю его. Не понимаю почему, даже если бы он когда-нибудь попросил (а он не попросит), я никогда не смогла бы подчиняться ему.

Если начистоту, думаю, причина, по которой я не могу полностью отдаться своей новой потенциальной любви, проста. «Он» по-прежнему мой Господин, по-прежнему владеет моим телом, душой и даже сердцем.

Но он не любит меня. Он даже не верит в любовь. Слишком много раз я слышала от него эти слова, чтобы не принимать их в расчет.

Я сказала ему «прощай» и не буду больше звонить. Знаю, что, если позвоню, это станет моей погибелью, и я опять подпаду под его чары. Опять... пропаду.

Глава 1

Никаких разговоров. Никаких «если». Все или ничего, Сара. Это мое тебе предложение, и ты должна решить, действительно ли этого хочешь. В «Америкэн Эйрлайн» на твое имя зарегистрировано место. Я лечу этим самолетом. Надеюсь, что и ты тоже.

Крис предъявил этот ультиматум и крайний срок и ушел, а я осталась сидеть на кровати своей пропавшей лучшей подруги, уставившись в пустой дверной проем, где он стоял всего минуту назад. Эмоции бурлят в душе, превращая меня в сплошной комок нервов. Он нашел меня, нашел здесь. После нашей ужасной ссоры вчера вечером он по-прежнему хочет, чтобы я поехала с ним в Париж. Он хочет обрести «нас» вновь. Но как он может ждать, что я вот так в один миг сорвусь с места? Я не могу просто так взять и уехать... но... Он уезжает. Мне становится нечем дышать от одной только мысли, что могу потерять его, а в глубине души знаю, что если позволю ему уехать, то потеряю. Нам надо поговорить. Надо обсудить то, что произошло вчера вечером, прежде чем ехать в Париж.

Порывистым движением я хватаю телефон, нажимаю кнопку автонабора номера Криса. Сердце молотом стучит в груди, пока жду, когда он ответит.

Дзинь. Дзинь. Дзинь.

Потом его голос, глубокий, с сексуальной хрипотцой, звучит в трубке. Это голосовая почта. Я нервно пропускаю пальцы сквозь свои длинные каштановые пряди, и на меня накатывает чувство беспомощности. Нет. Нет. Нет. Этого не может быть. Просто не может. Это уж слишком после того, как вчера вечером Эва чуть не убила меня. Как может Крис не понимать, что сейчас это чересчур? Мне хочется закричать в трубку.

Я набираю еще раз, снова и снова слушаю эти невыносимые звонки и снова попадаю на его голосовую почту. Проклятие! Придется попытаться застать его дома, пока он не уехал в аэропорт.

Я вскакиваю на ноги и несусь к двери, рука моя дрожит, когда я запираю дверь. Я молюсь, чтобы Элла, живая и невредимая, вернулась из своей поездки в Европу. Волей-неволей сравниваю ее молчание с молчанием Ребекки. Меня передергивает, когда я ступаю в темный коридор перед Эллиной квартирой. Как бы мне хотелось находиться сейчас в объятиях Криса, как бы хотелось забыть весь ужас того, что Эва убила Ребекку, а потом пыталась убить меня.

Оказавшись на парковке, я бросаю взгляд на дом, и все внутри у меня сжимается. «С Эллой все хорошо», – заверяю я себя, отпираю свой серебристый «форд-фокус» и ныряю внутрь. И мне ясно, что у меня две причины поехать в Париж: Крис и Элла. И обе веские.

Дорога до квартиры, где жили мы с Крисом, занимает пятнадцать минут, но кажется, будто целую вечность. К тому времени, когда я останавливаюсь перед красивой высоткой затейливой постройки, чувствую себя одним большим комком нервов. Я вручаю ключи служителю, какому-то новому парню, которого не знаю.

– Пожалуйста, пусть машина побудет здесь. – Само это действие предполагает, что я намерена ехать в аэропорт.

Но даже если поеду, говорю я себе, это не значит, что сяду на самолет. Пока нет. Не так. Я попробую убедить Криса отложить поездку.

Я несусь через холл, не замечая ничего вокруг, и влетаю в лифт. Двери закрываются, и меня вдруг охватывает непонятная, нелепая нервозность перед встречей с ним. Глупость какая-то. Это же Крис. У меня нет причин нервничать. Я люблю его. Люблю так, как никогда никого не любила. И все же подъем на двенадцатый этаж мучителен, и я жалею, что не спросила у консьержа, дома ли Крис.

– Пожалуйста, будь дома, – шепчу я, приближаясь к месту назначения. – Пожалуйста, будь дома.

Лифт дзинькает, и двери разъезжаются. С минуту я просто гляжу застывшим взглядом в пустое пространство перед входом в нашу квартиру. Наша квартира. Но останется ли она нашей, если я не поеду с ним в Париж? Только на прошлой неделе он отгородился от меня, оттолкнул из-за потери Дилана, парнишки, умершего от рака, вместо того чтобы позволить помочь ему пережить эту боль. Он заставил меня почувствовать, что мой «дом» с ним – это нечто непостоянное. Он поклялся, что это больше никогда не повторится, что никогда в будущем я не почувствую себя ни брошенной, ни потерянной. Но будущее – вот оно, и я уже чувствую себя такой.

Потерянной без него.

– Крис, – зову я, входя в холл, но ответом мне лишь тишина. Два шага в глубь квартиры, и внутри у меня такая же пустота, как и всегда. Его нет. Он уехал.

Я медленно поворачиваюсь в сторону гостиной с окнами от пола до потолка, где над городом занимается рассвет. Воспоминания затопляют меня, столько воспоминаний о нас с Крисом в этой комнате. Я ощущаю его запах, даже его вкус. Чувствую его. Мне очень надо почувствовать его.

Включив неяркий свет, я цепляюсь взглядом за что-то, прилепленное к окну. Это приклеенная записка, и в груди у меня сжимается, когда я понимаю, что это то самое место, где Крис когда-то занимался со мной любовью и заставил меня ощутить жар и страсть и, да, страх упасть. И я таки упала. В него.

Я спускаюсь по ступенькам, пересекаю комнату и отрываю записку от окна.

«Сара! Наш рейс в девять. Тебе надо быть в аэропорту на час раньше, чтобы пройти досмотр, и у оформления международного багажа строго ограниченное время. Полет долгий. Оденься удобно. Джейкоб будет внизу в семь, чтобы отвезти тебя. ЕСЛИ ты решишь ехать. Крис».

Ни «я люблю тебя». Ни «пожалуйста, приезжай».

Впрочем, ничего удивительного. Это же Крис, и пусть я не знаю всех его секретов, я знаю его самого. Знаю, что это одна из его проверок. Знаю, что ему нужно, чтобы это было мое решение, принятое мною самой, а не под влиянием его слов. Поэтому его здесь и нет.

Неожиданно меня осеняет: я знаю это. Знаю, что он думает. Знаю его. Эти мысли успокаивают. Со всех сторон, которые важны, которые имеют значение, я его знаю.

Я поворачиваюсь, чтобы посмотреть на часы слева от входа в кухню, и натужно сглатываю. Сейчас почти шесть. У меня есть час, чтобы решить, уезжаю ли я из страны с Крисом, и собрать вещи.

Я опускаюсь на пол и прислоняюсь к тому самому окну, к которому прислонялась в ту первую ночь, когда он привел меня сюда. Я обессилена и чувствую себя такой же голой и незащищенной, как и тогда.

Один час. У меня один час, чтобы добраться до аэропорта, если решу ехать. Джинсы мои грязные от того, что я каталась по земле, когда сумасшедшая пыталась убить меня, а волосы кажутся длинным темным занавесом, таким же тяжелым, как и мои мысли. Мне надо принять душ. Мне надо поспать.

Мне надо немедленно принять решение о том, что я буду делать.

Одетая в мягкий спортивный костюм из черного бархата, с сумкой через плечо, я смотрю на выход с надписью «Сан-Франциско – Даллас – Париж».

Я приехала. У меня на плече сумка. У меня посадочный талон. Я делаю судорожный вдох и чувствую, что мне трудно дышать, что прежде бывало со мной только дважды. Один

раз, когда мне сказали, что мама умерла от сердечного приступа, а второй, когда я была у Ребекки на складе и погас свет. Почему это происходит со мной сейчас, не знаю. Просто чувствую, что совершенно не владею собой.

По селектору называют мое имя. Пора идти на посадку.

Кое-как делаю шаг вперед и поднимаю руку, давая дежурной знать, что я здесь. Вручаю свой билет, почти не видя ее, и сиплым голосом отвечаю на вопросы, которые через две секунды уже не помню. Мне надо срочно привести дыхание в норму, пока не лишилась чувств; я определенно на грани обморока. Ненавижу в себе эту слабость. Когда же я, наконец, перестану быть слабой?

Колени мои дрожат, когда я вешаю на плечо свою сумку от Луи Виттона, которую Крис купил, когда мы ездили в Напу навестить его крестных родителей.

Я тащусь по пандусу, заворачиваю за угол, и сердце мое екает в груди. Крис стоит у дверей в самолет, дожидаясь меня, и выглядит таким мужественным и совершенно неотразимым в своих джинсах, синей майке и байкерских ботинках. С однодневной щетиной и восхитительно взъерошенными длинными белокурыми волосами он – само совершенство и суровая красота. И все остальное, кроме него, меркнет, и все в моем мире вновь встает на свои места.

И вот я уже бегу к нему, а он встречает меня на полпути и заключает в теплые, сильные объятия. Его привычный, пряный, такой земной запах окутывает меня как облако, проникает внутрь, и я снова живая, дышу свободно, под ногами у меня твердая почва, и в душе не осталось никаких сомнений. Мое место там, где Крис.

Я обвиваю его руками и прижимаюсь к твердому телу. Его рот завладевает моим, и этот его вкус, острый и мужской, затопляет меня с головы до ног. Я дома. Я дома, потому что с ним. И я целую его, как в последний раз, словно умираю от жажды, а он единственный, кто может ее утолить. И я верю, что так оно и есть. Он всегда был ответом на вопрос, чего не хватает в моей жизни, еще даже до того, как я встретила его.

Он отрывает рот от моего рта, и я хочу притянуть его назад. Вкусить еще немножко. Я вновь тяжело дышу, но теперь от эмоций, желания и страсти.

Он отводит с лица мои свежевывмытые шелковистые волосы и смотрит на меня своими серьезными зелеными глазами.

– Скажи, что ты приехала, потому что сама этого хотела, а не потому что я вынудил тебя.

– Ты не уедешь без меня, – обещаю я и надеюсь, он слышит все, что это означает. Я не сказала, что он не уедет. Я сказала, что он не сделает этого без меня.

Мгновенное понимание вспыхивает у него на лице, просачивается в глубину испытующего взгляда.

– Я не хотел принуждать тебя, – говорит он сиплым, страдальческим голосом. Этот мужчина живет в постоянных душевных муках, и я умираю от желания развеять их. Он колеблется. – Мне просто надо было...

– Я знаю, что тебе было надо, – шепчу я, глядя пальцами его скулу. Я понимаю то, что должна была понять еще раньше. – Тебе надо было убедиться, что моя любовь к тебе достаточно сильна, чтобы сделать это. Тебе надо было убедиться в этом до того, как ты позволишь мне узнать то, что я узнаю в Париже.

– Мистер Мерит, пожалуйста, проходите на посадку, – кричит стюардесса от двери.

Никто из нас не смотрит на нее. Мы не отрываясь глядим друг на друга, и я вижу игру эмоций на лице Криса, эмоций, которые он позволяет видеть только мне. И для меня это значит все на свете. Он хочет, чтобы я увидела то, что он больше никогда никому не показывает.

– Последняя возможность отступить, – тихо говорит он, и в голосе его слышатся нотки нерешительности, а в глазах мелькает что-то похожее на страх. Боится, что я пойду на попятный?

Да, наверное, но не только это. Еще он боится, что я не отступлюсь, боится того, что он еще не открыл. И мне трудно не бояться вместе с ним, когда я видела кое-какие из весьма темных сторон Криса. Что ждет нас в Париже? Что, как он считает, потрясет меня, когда я об этом узнаю?

– Мистер Мерит.

– Знаю, – резко отзывается он, не отрывая от меня взгляда. – Пора, Сара.

– Что бы там ни было, – говорю я, – я справлюсь. Мы справимся. Вместе. – Я вспоминаю, как он сражался за мою честь с моим бывшим и моим отцом. Крис дает мне то, чего я хочу, открывая закрытые двери своей жизни, своих чувств, и я не позволю ему пожалеть. Я буду бороться за него и за нас.

Я переплетаю наши пальцы.

– Поехали в Париж.

В самолете моя надежда на некоторое уединение быстро улетучивается, когда мы останавливаемся у первого ряда и я обнаруживаю пожилую женщину в яркой фиолетовой рубашке, занимающую место рядом с нашими. Она посылает мне улыбку, такую же стопроцентно дружескую, как и ее гавайская рубашка, и я умудряюсь ответить ей тем же, что нелегко, учитывая мое эмоциональное состояние. И как тяжело я переношу полеты.

Крис пропускает меня вперед, и я сажусь у окна, а он тем временем размещает мою сумку в багажной корзине над головой. Я очарована этим мужчиной, который стал моим миром. Мой взгляд скользит по красивым чертам лица, широким плечам, перекатывающимся под майкой мускулам. И от одной лишь мысли о том, каким неотразимым он выглядит без ничего, с одной лишь яркой красно-желто-синей татуировкой дракона, выглядывающей из-под правого рукава, меня обдает жаром с ног до головы. Я люблю эту татуировку и ту связь, которую она имеет с прошлым и которую мне скоро предстоит узнать. Я люблю его.

Закрыв багажную ячейку, Крис тихо говорит что-то нашей пожилой попутчице, и она улыбается в ответ. Я тоже улыбаюсь, наблюдая за ними, пока не замечаю проблеск печали в глазах Криса, напоминающий мне о боли, которую он прячет под своим неотразимым обаянием. Мое решение лететь с ним в Париж было абсолютно правильным. Я сделаю все, что в моих силах, чтобы избавить его от этой боли.

Когда Крис устраивается на сиденье между мной и нашей попутчицей, я бросаю взгляд на повязку у него на лбу, потом на руке. Я знаю, что прошлой ночью он ударился головой, но что он и руку повредил – не знала.

Спазм сжимает мне горло, когда я думаю, как легко он мог умереть, когда спасал мне жизнь.

– Как ты? – спрашиваю я, мягко накрывая повязку рукой.

– Рана на голове оказалась не такой страшной, как я думал. Рука оказалась неожиданно, но несколько швов, и все в порядке. – Он накрывает мою ладонь своей – большой, теплой и чудесной. – И отвечая на твой вопрос: я чувствую себя прекрасно. Ты же здесь.

– Крис. – Его имя вырывается с тихим вздохом сдерживаемого волнения. Между нами так много невысказанного, так много напряжения после нашей ссоры перед тем, как я поехала к Марку, а он отправился за мной. – Я... – Смех с заднего ряда прерывает мои слова, напоминая, что мы не одни. – Нам надо...

Он наклоняется и целует меня – нежная ласка губ на губах.

– Поговорить. Я знаю. И мы поговорим. Когда приедем домой, мы во всем разберемся.

– Домой?

– Детка, я же тебе говорил. – Он переплетает наши пальцы. – Все мое – твое. У нас есть дом в Париже.

Ну, конечно, у него есть дом в Париже. Просто до сих пор я как-то не задумывалась об этом. Мой взгляд опускается на наши переплетенные пальцы, и я спрашиваю себя: будет ли его дом домом и для меня?

Крис дотрагивается до моего подбородка, и я смотрю на него.

– Мы во всем разберемся, когда приедем, – повторяет он.

Я вглядываюсь в его лицо, ища в этой клятве ту уверенность, которая должна бы быть присуща человеку, всегда держащему свою судьбу в своих руках, и не нахожу того, что ищу. Тени в его глазах говорят о сомнении. Крис не уверен, что мы во всем разберемся – и раз не уверен он, не уверена и я.

Но Крис хочет, чтобы мы попробовали, и я тоже хочу. Пока его слов должно быть достаточно, но мы оба знаем, что для будущего их мало. Теперь уже мало.

Пятница, 13 июля 2012 года

Я позвонила ему.

Мне не следовало звонить, но я позвонила, и только лишь услышав, как он произнес «Ребекка» этим своим глубоким, бархатным голосом, чуть не пропала. Завтра я должна лететь в Австралию, но вряд ли смогу это сделать. Я не уверена, что это честно по отношению к моему новому мужчине, когда теперь я знаю, что все еще люблю моего Господина.

И сегодня он был другим. Он был больше, чем Господином. Сегодня он был мужчиной, который, кажется, узнал во мне женщину, а не только свою рабу. Я услышала в его голосе уязвимость. Уловила неприкрытую нужду, даже мольбу. Осмелюсь ли я предположить, что он готов узнать, что любовь существует?

И вот теперь я плаваю в море его обещаний, которые изменяют все, если я приеду домой. Он называл Сан-Франциско и свой дом моим домом. Он хочет, чтобы я вернулась туда к нему, отказалась от своей квартиры и запасного варианта, которым она была. Не будет никакого контракта. Будем только мы.

Я тоже хочу этого, очень хочу. Так почему же душу мою гложет нехорошее предчувствие, такое же, как тогда, когда меня мучили те ужасные кошмары о маме? Чем мне может грозить решение поехать к нему, кроме сердечной боли? Немножко сердечной боли – малая цена за то, чтобы открыть нас настоящим, какими, я всегда верила, мы можем быть...

Глава 2

Я медленно просыпаюсь, выбираясь из тенет сна, и вижу Криса, лежащего рядом с закрытыми глазами. Звук какого-то непонятного объявления начинает проникать сквозь туман в голове, и я вспоминаю, что я в частном салоне самолета, на который мы сели в Далласе несколько часов назад. Одна из стюардесс говорит по-французски по внутренней связи, и единственное слово, которое я понимаю, это «Париж».

Я сосредоточиваюсь на Крисе, на его чувственном расслабленном рте, на восхитительно взъерошенных волосах. Губы мои приподнимаются в улыбке, когда я думаю, как бы он отреагировал на то, что его назвали восхитительным, и пальцы мои сами собой тянутся к его щеке и мягко скользят по сильной челюсти. Он так красив, но не классической красотой, как Марк, а чуть грубоватой и мужественной. Впрочем, я уже больше не считаю Марка красивым. Я больше вообще о нем не думаю.

Ресницы Криса поднимаются, и его яркие зеленые глаза находят мои.

– Привет, детка. – Он перехватывает мою руку, обводящую контур его губ, и целует в ладонь. Покалывающее ощущение от этой ласки бежит вверх по руке, по груди и оседает внизу живота.

– Привет, – говорю я. – Кажется, мы скоро приземлимся в Париже. – Стюардесса начинает говорить по-английски, подтверждая мою догадку. – Объявление перед этим было на французском, а я, как ты знаешь, по-французски не говорю.

– Мы это исправим, – обещает он, когда мы поднимаем спинки кресел.

Я тихо хмыкаю:

– Не очень-то надейся. Та часть моего мозга, которая отвечает за иностранные языки, не работает. – Я приглаживаю волосы, представляя, как, должно быть, ужасно выгляжу. Если бы не тот факт, что Крис видел, как меня рвало, и все равно любит, я бы, наверное, чувствовала себя неуверенно. А впрочем, сейчас я слишком устала, чтобы обращать на это внимание.

– Ты удивишься, как легко тебе будет осваивать язык, находясь в языковой среде, – заверяет он. – Хочешь небольшой урок, пока мы снижаемся? Я знаю, что ты больше всего не любишь эту часть полета. Я отвлеку твои мысли от приземления.

Я качаю головой:

– Я слишком устала, чтобы бояться разбиться, и слишком тупа, чтобы запоминать французские слова.

– Je t'aime.

– Я тоже люблю тебя, – отзывается я, ибо смотрела достаточно фильмов, чтобы понять, что он сказал. Но это все, что я знаю.

Губы его изгибаются в этой обычной для него, невозможно сексуальной манере.

– Montrez-moi quand nous serons rentres.

То, как слова слетают с его языка, вызывает во мне чувственную дрожь. Вот я и нашла причину полюбить французский язык.

– Понятия не имею, что ты сказал, но это прозвучало чертовски сексуально.

Крис наклоняется ко мне и легонько кусает в шею.

– Тогда я повторю, – бормочет он. – Montrez-moi quand nous serons rentres. Покажи, как ты любишь меня, когда мы приедем домой.

И вот я уже чувствую, что совсем не так устала, и мне не терпится поскорее добраться до этого нового дома. Ну что такого страшного может случиться здесь, в Париже? Здесь искусство, культура и история. Здесь новые приключения. Здесь кипит жизнь. И я с Крисом.

Когда мы выходим из самолета, пытаюсь взбодрить себя тем, что я в Париже, городе любви и романтики, но ничего не выходит. Это чувство неимоверной усталости возвращается, как паровой каток, и даже Крис признается, что ему надо отдохнуть. Поскорее бы добраться до настоящей кровати.

Мы проходим по пандусу и входим в здание аэропорта, которое во многом похоже на любой другой аэропорт мира. Указатели на английском и французском дают нам нужное направление. В Штатах указатели были бы на английском и испанском, так что все выглядит знакомо, и это успокаивает. Надеюсь также, это означает, что я не буду совершенно беспомощной из-за незнания французского.

Потом мы ступаем на движущуюся дорожку, которая везет нас через довольно странный, извилистый подземный тоннель. Рядом какая-то непонятная, неудобная лестница, которая поднимается и опускается неровной линией, и я не могу представить, чтобы кто-то ею пользовался. Зачем она поднимается и опускается? Это так нелогично и непонятно, что от этого чувство неуверенности вновь возвращается.

Вот уже наши сумки на ленте возле ног, и Крис привлекает меня к себе и обволакивает своим теплом. Я не смотрю на него. Не хочу, чтобы он видел, насколько я выбита из колеи. Кроме того, он теплый и чудесный, и я обвиваю его руками, вдыхаю знакомый запах, напоминая себе, что именно он – причина, по которой я здесь. Это главное.

– Эй, – говорит он мягко, чуть-чуть отодвигается и приподнимает пальцем мой подбородок, не давая спрятаться от его внимательного взгляда.

Когда наши глаза встречаются, я вижу в его глазах озабоченность. Меня никогда не перестает поражать и радовать, как мужчина, который находит удовольствие в боли, может в то же время быть таким нежным и чувственным.

Я приподнимаюсь на цыпочки и легко касаюсь губами его губ.

– Просто я устала. – Губы мои сменяют пальцы, обводя чувственный изгиб его рта.

Он завладевает моей рукой и удерживает ее.

– Ты же знаешь, что я на это не куплюсь, правда?

Я вымучиваю усталую улыбку.

– Просто я готова быть наедине с тобой. – И это истинная правда.

Он гладит меня по голове, прикосновение покровительственное, собственническое, и возникает чувство, что он испытывает потребность ни на шаг не отпускать меня, словно я в любой момент могу передумать и сбежать.

– Я тоже, детка, – шепчет он.

Я бы пообещала, что никуда не уеду, но не уверена, что слова сейчас имеют значение. Важны поступки. То, что я здесь. Что переживаю надвигающуюся, как он считает, бурю, не покидая корабля.

На противоположном конце тоннеля нас приветствуют рестораны и магазины, с левой стороны, и огромная толпа, которая вьется, кажется, бесконечно.

– Как я рада, что нам не надо в ней стоять, – с облегчением выдыхаю я.

– Вообще-то надо, – угрюмо отзывается Крис. – Это на проверку паспортов, чтобы войти в аэропорт.

Я останавливаюсь как вкопанная и поворачиваюсь к нему.

– О нет. Пожалуйста, скажи, что ты пошутил. Я не выстою эту очередь.

Он вешает сумки на плечи.

– Это будет не так долго, как кажется.

– Сказала секретарша в битком набитом кабинете врача, – отвечаю я и вздыхаю. – Прежде чем становиться в эту очередь, мне надо сходить в ванную.

Он наклоняется и целует меня в лоб.

– Отличный план. Я тоже пойду.

Мы разделяемся перед надписью «Туалет». Слово «туалет» кажется мне таким глупым, и, входя в переполненное помещение, я гадаю, не кажется ли французам точно таким же глупым слово «ванная». Передо мной очередь из пяти женщин, и только две раковины и две кабинки. Быстро уйти не получится.

Какая-то женщина, проходя мимо, оглядывает меня с ног до головы, задержавшись на лице, и я недоумеваю, неужели выгляжу слишком по-американски. Но разве американки какие-то другие? Мне кажется, я внешне выгляжу так же, как все. Мой телефон внезапно оживает, достаю его из сумочки и обнаруживаю сообщение от сотового оператора, который доводит до моего сведения, что я потрачу кучу денег, если не сменю тарифный план. Одно из множества дел, которые мне предстоят.

Когда очередь продвигается, я поднимаю глаза. Еще одна женщина глазеет на меня, и я уже начинаю думать, что испачкалась зубной пастой, когда чистила зубы в самолете. Или, может, губная помада размазалась по лицу? Я ищу зеркало, но его нет. Что? Нет зеркал? Ни одна американка не потерпела бы такое. Разве во всем мире женщины не одинаковы?

— Есть тут где-нибудь зеркало? — спрашиваю я, обращаясь ко всем сразу, но ответом мне лишь непонимающие взгляды. — Английский? — Еще больше непонимающих взглядов и два отрицательных покачивания головой. Ну прекрасно.

Уверенная, что похожа на чучело, я вздыхаю, жалея, что моя косметика с зеркальцем в сумке, которая у Криса, а не со мной. Гляжу на часы в телефоне и безуспешно пытаюсь сориентироваться во времени. Здесь раннее утро, а с Сан-Франциско разница, кажется, на шесть или на восемь часов. Или на девять? Как бы то ни было, если я как можно скорее не лягу спать, то никогда не приспособлюсь к разнице во времени.

Когда я наконец поспешно покидаю ванную комнату, то натыкаюсь на чье-то твердое тело. Ойкнув, вскидываю глаза, когда сильные руки поддерживают меня, чтобы не упала.

— Извините, — бормочу я, глядя на крупного мужчину лет тридцати, со взъерошенными черными волосами и красивым лицом. — Я не хотела... — Запнувшись, думаю: а говорит ли он по-английски?

Он отвечает что-то по-французски, потом бормочет: «Пардон» и быстро уходит.

Какая-то неприятная дрожь пробегает у меня по позвоночнику, а необъяснимое желание пойти за ним побуждает резко развернуться, и я обнаруживаю рядом Криса.

Он хмурится.

— Что-то случилось?

Да. Нет. Да.

— Я просто врезалась в мужчину и...

Крис чертыхается и хватается мою сумку, а я смотрю на нее, и до меня доходит, что сумка расстегнута. Я уверена, что застегивала ее.

— О нет, — говорю я и, раскрыв сумку, обнаруживаю, что кошелек нет. — Нет. Нет, нет, нет. Этого не может быть. Он украл мой кошелек, Крис!

— А паспорт? — спокойно спрашивает он, ставя наши сумки на пол.

Я испуганно округляю глаза и лихорадочно роюсь в сумке в поисках паспорта. Чувствуя дурноту, качаю головой:

— Его нет. Что теперь будет?

— Ничего страшного, детка. Я забыл отдать тебе твою пластиковую карту; она все еще у меня. Это, пусть и с дополнительными усилиями, поможет нам пройти таможенную. И ты сможешь использовать ее в консульстве, чтобы получить новый документ.

Я делаю глубокий вдох и выдох. То, как он говорит «нам», немного успокаивает. Я не одна. Он со мной каждый шаг пути, а не только здесь и сейчас. Я знаю это и хочу верить, что так будет и впредь. Это одна из множества причин, которая привела меня сегодня в аэропорт.

— Слава Богу, что у тебя моя карта.

Крис поднимает сумки и гладит меня по щеке.

– Мне следовало предупредить тебя, какие ловкие здесь карманники.

– Карманники, – повторяю я. – Здесь, в аэропорту, или везде?

– В любой туристической зоне. – Он закидывает сумки на плечо.

«Добро пожаловать в город любви и романтики», – думаю я, впрочем, романтика никогда не давалась мне легко.

– Мне надо позвонить по поводу кредитной карты, а у меня нет доступного сотового обслуживания.

– Воспользуешься моим телефоном, когда пройдем таможеню.

Я киваю и застегиваю сумочку, затем вешаю ее перед собой и придерживаю рукой. Неприятности накатили вдруг как снежный ком, и я рада, что Крис – скала, за которую я могу спрятаться, иначе просто ударилась бы в панику. Не то чтобы у меня было желание броситься назад через границу, хотя официально, думаю, я ее еще не прошла. Я не смогла бы сейчас вернуться в Штаты, даже если бы захотела; какой-то вор украл у меня эту свободу. И меня тревожит, что мои личные данные оказались в чужих руках.

Впрочем, я успокаиваю себя тем, что у них нет моего парижского адреса; я сама его еще пока не знаю.

Потом я поднимаю глаза на Криса, чувствую знакомое ощущение близости между нами и поправляюсь: нет. Я знаю свой адрес: он с Крисом.

Глава 3

Целый час нас мурыжат таможенники, и вот, наконец, вещи погружены на тележку, и мы с Крисом готовы покинуть аэропорт. Мы останавливаемся у раздвижных дверей с надписью «такси».

– Пойду найду частную машину с водителем, – сообщает мне Крис. – А ты побудь с вещами.

Я поджимаю губы.

– Слушаюсь, Господин.

Он вскидывает бровь.

– Почему, если ты произносишь эти слова, то исключительно с сарказмом?

– Потому что, по твоим же словам, – напоминаю ему я, – ты не хочешь, чтобы я называла тебя Господином.

– Ты имеешь в виду, что если бы хотел, то называла бы?

– Ни за что.

Крис смеется своим грудным сексуальным смехом, и это действует как успокаивающий бальзам на мои нервные окончания.

– На совершенно другую тему, – говорит он, притягивая меня к себе, и в его глазах зажигается этот свет, который я так редко вижу, – район, куда мы направляемся, парижская Таймс-сквер. Тебе там понравится. – Он наклоняется и целует меня. – Я скоро.

Я гляжу ему вслед, любясь мужской сексуальной походкой, и все больше воодушевляюсь тем, что приехала сюда. И знаю, что, как бы ни боялся он того, что в конечном итоге получится из моего пребывания здесь, его тоже радует перспектива показать мне Париж. А мне так хочется посмотреть его вместе с ним.

Я с нетерпением жду его возвращения, готовая поделиться с ним своим воодушевлением, но, к моему разочарованию, он задерживается. Я со вздохом вытаскиваю свой сотовый, чтобы установить международный тарифный план. Я уже почти заканчиваю, когда Крис возвращается вместе с каким-то мужчиной, по всей видимости, водителем. Наблюдать за тем, как Крис двигается, как бугрятся и перекачиваются эти крепкие, мощные мускулы, сплошное удовольствие. От одного лишь взгляда на него у меня екает сердце. Я улыбаюсь, думая, что мне никогда не надоест любоваться этим мужчиной.

– Готова? – спрашивает он, пока я пытаюсь закончить с сотовой компанией. Водитель забирает нашу багажную тележку, и мы выходим за ним на улицу. Я заканчиваю свой звонок и жду Криса у дверцы машины, пока он помогает шоферу загрузить наши сумки в багажник.

Когда Крис присоединяется ко мне и открывает передо мной дверь, я обнимаю его, потом поднимаю голову, чтобы встретиться с ним глазами.

– Просто хочу, чтобы ты знал: я понимаю, почему ты поступил так, как поступил, но я все равно поехала бы. Я рада, что нахожусь здесь, с тобой. – Я целую его, намереваясь просто коснуться губ в легком поцелуе, и, к моему немалому удивлению, при том какой Крис закрытый человек, он просовывает руку мне в волосы, обнимает за шею и пленяет мой рот в горячем поцелуе. Я издаю тихий стон, когда язык его ласкает мой, глубоко проникая в рот.

– Я тоже рад, что ты здесь, – заверяет он меня, отрывается от моих губ и отодвигает меня, словно либо должен сделать это прямо сейчас, либо уже не сможет никогда. Словно мог бы овладеть мною прямо тут, на людях. И только он может заставить когда-то консервативную школьную учительницу пожалеть, что такое невозможно.

Я облизываю губы, его пылающий взор следит за мной, и тут же горячее покалывание растекается по телу, зажигая снаружи и внутри. Кто-то кричит что-то по-французски, и Крис резко поворачивает голову к говорящему, а я за ним.

Я вижу голову водителя над крышей машины, словно он уже забрался внутрь и теперь высунулся, чтобы привлечь наше внимание. Крис отвечает ему по-французски. Потом вновь поворачивается ко мне. Губы его дергаются, в глазах пляшут смешинки.

– Он желает знать, готовы ли мы.

Мы оба смеемся.

– Определенно готовы, – говорю я и ныряю в машину.

Спустя сорок пять минут, в течение которых я блокирую свои кредитки, водитель везет нас по утреннему городу к Елисейским Полям, знаменитой улице с внушительными старыми зданиями с множеством бутиков и кафе. Когда мы проезжаем мимо Триумфальной арки, я делаю снимки своим телефоном. Ее эффектный орнамент освещен, сверкая в темноте парижских коротких зимних дней. И хотя я не считаю себя любительницей подобных строений, гораздо больше предпочитаю стальным башням картины, но разеваю рот от изумления, когда в поле зрения показывается Эйфелева башня, мерцающая огнями на фоне чернильно-серого неба. Было время, когда я думала, что никогда не увижу... ничего не увижу.

Мы сворачиваем на узкую улицу с домами из песчаника, и я хмурюсь, глядя на малолитражки, которыми уставлены тротуары. Меня бросает в дрожь от того, насколько небезопасными они выглядят.

– Ради Бога, скажи, что ты не едешь на одной из них, – говорю я.

– Нет, – заверяет меня Крис с грудным смехом, который я так люблю. – Мой «харлей» побольше будет.

Внезапно вспыхивает воспоминание о том, как он появился через несколько недель молчания и приказал мне садиться на заднее сиденье своего «харлея» прямо в юбке, и я отгоняю прочь этот нежелательный образ. Я больше не позволю себе переживать из-за этого. Тем более сегодня.

Я жива, и это дар, который я ценю больше, чем когда-либо.

И я с Крисом.

Я в Париже, и это благодаря Крису, когда все остальные в моей жизни всегда держали меня в закрытом ящике.

Я наклоняюсь и целую его в щеку.

– За что это? – спрашивает он, своей сильной рукой обнимая меня за талию.

Я могу придумать миллион ответов и хочу сказать ему миллион вещей, но просто говорю:

– За то, что ты есть.

Нежность на его лице растапливает последние остатки моих дурных воспоминаний.

– Если такова реакция на эту небольшую экскурсию, то мне не терпится посмотреть, как ты отреагируешь, когда увидишь картинные галереи. Ты просто свихнешься, детка. – Звонит его мобильный, и он с явной неохотой отпускает меня.

– Это Блейк, – объявляет он, взглянув на определитель.

Это имя, как ушат холодной воды, действует отрезвляюще. Поскольку Блейк расследует исчезновение и Ребекки, и Эллы, я не знаю, каких новостей ждать: хороших или плохих.

– Спокойно, детка, – бормочет Крис, потирая ладонью вверх-вниз мою руку, словно чувствует мой внезапный озноб. – Все будет хорошо.

Но я этого не знаю. Кто бы мог представить, что пропавшая Ребекка мертва, убита той, которую мы все знали? И как можно после этого думать, что все будет хорошо?

Ладонь Криса лежит у меня на ноге, пока он отвечает на звонок, и от его предупредительности у меня к горлу подкатывает ком. Предполагается, что это я приехала сюда, чтобы поддержать его. Однако же он по-прежнему ведет себя как мой Прекрасный принц.

А он и есть мой Прекрасный принц. Мой темный, надломленный Прекрасный принц. Мое представление о совершенстве. Осталось только заставить его самого поверить в это.

– Скажи мне, что у тебя хорошие новости насчет Эллы, – говорит Крис, слушает, потом смотрит на меня, и его чувственные губы сжимаются в тонкую линию. – Ничего – ни хорошего, ни плохого, – сообщает он мне.

Кивнув, я перевожу невидящий взгляд в окно. О Ребекке тоже ничего не было известно несколько месяцев и в конце концов оказалось, что она убита. Элла, предположительно, вышла замуж и счастливо живет со своим новоиспеченным мужем.

Меня осеняет идея, и не могу понять, как же я раньше не сообразила. Свадьба – у Эллы же была свадьба! В суде должна быть запись. Неужели Блейк не подумал об этом?

Я дотрагиваюсь до руки Криса, привлекая его внимание, пока он не закончил разговор.

– Проверь свои звонки, – говорит он мне, прежде чем я успеваю задать вопрос. – Посмотри, нет ли пропущенного. – Тон его небрежный, но напряжение в нем передается и мне.

Я хмурюсь, достаю свой телефон, не в состоянии определить выражение его лица в мелькающих тенях темной машины. Просмотрев звонки, замечаю в памяти какой-то незнакомый сан-францисский номер.

– Ну да. Звукового сообщения не было, поэтому я его не видела. – Я уже собираюсь прослушать звонок, но медлю, надеясь послушать, о чем будет говорить Крис, и понять, что происходит.

– Она сделает это прямо сейчас, – заверяет Крис Блейка. – И да, я дам тебе знать. – Он отключается. – Детектив, ведущий дело Ребекки, хочет задать тебе еще несколько вопросов.

Я понятия не имею, что ожидала услышать, но уж точно не это. Отрицательно мотаю головой и хочу убрать телефон. – Я не могу сейчас об этом думать. Позвоню ему завтра, после того, как отдохну.

– По-видимому, это срочно. Детектив заезжал к нам домой и говорил с Джейкобом. Джейкоб пробовал дозвониться до нас, но все время попадал на сигнал «занято». Они с Блейком несколько часов пытались связаться с нами.

Я облизываю внезапно пересохшие губы.

– Что там может быть такого срочного? Они же беседовали со мной меньше суток назад.

– Тут нет ничего необычного, они хотят как можно скорее «закрыть» Эву. А ее обвиняют не только в убийстве Ребекки, но и в покушении на тебя.

Разумеется, я это знаю, но не позволяла себе думать, какие события все это повлечет за собой. Воспоминания еще слишком свежи, слишком болезненны.

К счастью, машина подъезжает к высоким стальным воротам, и это ненадолго отвлекает меня от неприятных мыслей.

Крис опускает стекло и набирает код на пульте сигнализации, потом закрывает окно и продолжает разговор.

– Тебе, скорее всего, придется свидетельствовать на суде, и полиции надо собрать веские доказательства, чтобы гарантировать обвинительный приговор.

– Да, конечно, понимаю, – отвечаю я. – Я тоже этого хочу. Я сейчас позвоню. – Бросаю взгляд на часы в надежде на еще одну отсрочку. – В Штатах уже почти семь вечера, так ведь?

– Да, они отстают от нас на восемь часов, но, по-видимому, детектив работает в ночную смену.

Я обреченно вздыхаю.

– Позвоню, когда придем домой, обещаю. – Я перевожу взгляд на окно, когда машина скользит вперед и свет нового дня позволяет мне увидеть ряды белых зданий.

– У нас частная резиденция, – объясняет Крис, когда в поле зрения появляется большой арочный дверной проем с пятью ступеньками, ведущими вверх. – В здании много квартир, но они не связаны и нет привратника. Наши этажи с восемнадцатого по двадцатый, а также частный гараж, соединенный со спортзалом.

«У нас. Наши». Мне нравится, как это звучит. Как он объединяет нас в одно целое.

– Двенадцать-двенадцать, авеню Фош, – читаю я выгравированную в центре черного круга надпись на бетонной стене у двери перед тем, как машина въезжает в частный гараж.

– Наш адрес, – мягко объясняет Крис.

В гараже автоматически вспыхивает свет, освещая нас бледным светом, и я смотрю на Криса, вглядываюсь в его лицо и читаю в нем то, что он хочет, чтобы я прочла. Он знает, как мне необходимо почувствовать, что у меня есть дом и стабильность. И знает, что я все еще ощущаю последствия нашего разрыва и того, что в недалеком прошлом у меня не было дома.

– Наш адрес, – повторяю я, давая знать, что мне, как и ему, хочется начать все заново.

Губы его медленно изгибаются, одобрение растекается по лицу, прежде чем он наклоняется поговорить с водителем.

Он дает мне понять всеми доступными способами, что не привез бы меня сюда, если бы не желал всем сердцем и всей душой, чтобы мы были вместе, чтобы у нас все получилось, какую бы цену ни пришлось заплатить. А цена есть всегда, вспоминаю я слова Ребекки. Какова же цена для Криса?

– Готова, детка? – спрашивает он, и я вдруг осознаю, что так глубоко задумалась, что и не заметила, что он уже вышел из машины и протягивает мне руку.

Взяв сумочку, позволяю Крису помочь мне выйти, и он притягивает меня к себе, собственнически распластав пальцы у меня на спине.

– Никаких сомнений, – напоминает он мне низким сиплым голосом, который говорит, что он чувствует то же, что и я. Он знает, что мы открываем дверь, которую уже не сможем закрыть.

Я кладу ладонь на твердыню его груди и чувствую частый стук сердца, намекающий мне, что для него эта минута так же важна, как и для меня.

– Никаких сомнений.

Наши глаза встречаются, и тепло, которое я ощутила, когда он взял мою руку, теперь перешло в жар, растекающийся по нашим телам, окутывающий нас предвкушением. Наконец-то мы вот-вот останемся одни.

– Pardon, monsieur, madam.

Наши чары разрушает водитель, который выходит из двери за гаражом и, полагая, занес наши сумки внутрь.

– Oui, monsieur, – говорит Крис. Французские слова свободно слетают с его губ. – Je vous remercie de votre aide.

«Спасибо за помощь», – догадываюсь я, и когда мужчины обмениваются рукопожатием, уверяюсь, что моя догадка верна. Возможно, освоить французский будет не так уж и трудно в конце концов. После того как посплю, я определенно смогу что-нибудь выучить.

Попрощавшись, шофер садится в машину. Когда автомобиль сдает назад, мне открывается другая сторона гаража, где стоят три классических «мустанга», два «харлея» и серебристый «порше-911».

Взглянув на Криса, я качаю головой:

– Разные места, те же пристрастия.

– Ты мое пристрастие, – хрипло отвечает Крис, легонько покусывая мне шею. – Пристрастие во всех смыслах, и это требует награды. Один из «харлеев» твой.

Я смеюсь.

– Не совсем та награда, которую я бы выбрала, ну да ладно. – Я указываю на тот, что выглядит более дорогим. – Возьму вон тот.

Двери гаража закрываются, Крис сплетает свои пальцы с моими и направляется назад, ведя меня к дому. Глаза его искрятся озорством.

– Ты можешь кататься со мной, детка.

Я закатываю глаза.

– Вечно ты должен повелевать.

– Тебе ведь нравится, когда я командую.

– Возражаю, – отвечаю я без колебаний. С Крисом я научилась не бояться высказывать свои мысли вслух.

Он втягивает меня в маленький холл, нажимает кнопку вызова лифта и заключает в объятия.

– Должен ли я доказывать, как тебе нравится, когда я командую?

– Если считаешь, что можешь, – подначиваю я, тая от одной лишь мысли о тех способах, которыми он станет доказывать свою правоту.

Двери лифта раскрываются.

– Поедем наверх и посмотрим, смогу я или нет? Кто знает?

Я смеюсь.

– О да.

Он спиной заходит в лифт и тащит меня за собой, но я резко и решительно останавливаюсь.

– Сначала мне надо позвонить детективу.

Крис хмурит брови.

– Прямо отсюда?

– Не хочу, чтобы то, что случится в лифте, омрачалось тем, что мы оставили позади.

Понимание и нежность проступают на его лице, и он выходит из лифта.

– Тогда позвоним отсюда.

Я выуживаю телефон из сумки, и Крис прислоняется к стене, привлекая меня спиной к себе. Ладонь его ложится мне на живот, и я расслабляюсь. Глупая, непонятная нервозность из-за этого звонка немного ослабляет свою хватку.

Нажав кнопку, я прослушиваю простое, но срочное сообщение от детектива Гранта, затем нажимаю вызов.

– Мисс Макмиллан, – говорит он, явно указывая, что у него есть определитель, и то, как он произносит мое имя, настолько напоминает мне Марка, что я с трудом сдерживаю дрожь.

– Детектив Грант, – твердо отзываюсь я.

– Я так понимаю, вы уехали из страны.

– Да, я в Париже, – говорю я с удивительным спокойствием, учитывая мой душевный раздрай. – А что, мне нельзя было уезжать? Не было и речи о том, что я не должна покидать страну.

– Что это вы так спешили сбежать?

В душе у меня вспыхивает возмущение.

– Сбежать? – парирую я и чувствую, как сжимаются в ответ пальцы Криса у меня на животе. – Не знаю, что вы хотите этим сказать, но думаю, что желание сменить обстановку после того, как меня чуть не убила сумасшедшая, вполне оправданно.

– Быстро вы, однако, ее сменили. Обстановку...

Возмущение начинает перерастать в самый настоящий гнев, делая мои слова отрывистыми.

– На что вы, собственно, намекаете?

– Вы заняли ее место.

– Кто-то же должен был.

– Но не у каждого имелись ее личные вещи и знание ее самых сокровенных, самых интимных мыслей. – Он делает паузу, явно для пущего эффекта. – В конце концов, вам достались и ее работа, и ее босс. В сущности, вся ее жизнь.

Сердце мое колотится, и Крис прижимает меня сильнее, без слов говоря, что он здесь, со мной. Он – единственное, что не дает мне окончательно выйти из себя.

– Вчера ночью меня чуть не убили, – повторяю я.

– Это никак не связано со смертью Ребекки.

– Эва призналась, что убила Ребекку. Она и меня пыталась убить. На мой взгляд, это очень даже связано.

– Теперь она утверждает, что призналась, чтобы защитить Марка.

– Защитить Марка? – потрясенно переспрашиваю я и поворачиваюсь лицом к Крису. Мои пальцы вонзаются ему в руки. – Она говорит, что это Марк убил Ребекку!

Выражение лица Криса непроницаемо, но я чувствую, как вздуваются мускулы под моими пальцами, и ладони его твердо ложатся мне на талию. Глаза находят мои и не отпускают, и я ощущаю его не только через прикосновение. Он – моя скала, моя сила.

– Эва утверждает, что это вы убили Ребекку и шантажом вынудили Марка молчать, – сообщает мне детектив.

Тьма, с которой я боролась несколько часов, теперь становится черной дырой и мир вокруг начинает кружиться. Секунду спустя ноги мои подкашиваются, и земля единственное, что я вижу.

Глава 4

Я моргаю и обнаруживаю, что ладони мои лежат на твердой груди Криса. Рука обвивает меня за талию, не давая упасть, пока он говорит по моему телефону. Мой якорь. «Мой якорь, мое все», – думаю я, постепенно начиная понимать, что потеряла сознание и теперь медленно прихожу в себя. Я никогда раньше не падала в обморок, и ужасно неприятно сознавать, что внезапно потеряла всякое чувство времени и реальности.

– Вы говорили ей, что она не должна уезжать из страны? – спокойно спрашивает Крис по телефону. Потом короткая пауза. – Значит, она не совершила ничего противозаконного. – Он опять слушает. – Да, да, для отчета, я тоже знаю, что она невиновна, и это ваше «просто делаю свою работу» могло бы подождать, пока она не оправится от шока прошлой ночи, как бы ни хотелось вам поскорее все прояснить. С этого момента вы будете разговаривать с ее адвокатом, Стивеном Ньюменом. Он вам позвонит. – Крис отключается.

Я сглатываю, пытаюсь обрести голос, паника вновь распирает мне грудь.

– Крис, он... я...

– Тебе не о чем беспокоиться, – заверяет он меня, беря мое лицо в ладони. – У тебя есть я, а у меня есть ты.

В глазах его плещется тепло и обещание, и я надеюсь, он знает что-то, чего не знаю я.

– Но он же обвинил меня в убийстве Ребекки.

– Эва и ее адвокат придумали для нее линию защиты, и она включает тебя. Полиция ей не верит, но для предъявления обвинения им надо собрать доказательства. Наш поверенный позаботится об этом. А я позабочусь о тебе.

Было время, когда мысль о том, чтобы во всем положиться на Криса, испугала бы меня до чертиков. После того как он порвал со мной после смерти Дилана, все еще трудно было окончательно избавиться от страха, но мне еще никогда не было так приятно, как сейчас, быть в руках этого мужчины.

Я опускаю взгляд на свои руки, лежащие у него на груди, и они слегка дрожат. Но я совсем не ощущаю этой дрожи. Как будто мое тело и мозг не сообщаются.

– Что-то... что-то мне не очень хорошо.

– Как уже сказал, у тебя есть я, детка. – Он нажимает кнопку лифта, подхватывает меня на руки, и я облегченно прикипаю к нему. У меня есть он. А у него есть я. Предпочитаю в эту минуту безоговорочно верить в это. Мне просто необходимо верить.

Я кладу голову ему на плечо и закрываю глаза. Каким бы глупым это ни казалось, в таком душевном состоянии я не хочу видеть, что ожидает нас в доме. Хочу подождать и разузнать все позже, когда плохое не будет затмевать хорошее.

Когда чуть погодя я заставляю себя приподнять ресницы, Крис усаживает меня на туалетный столик в ванной. Он целует меня, легко касаясь губами.

– Ты как?

Я накрываю его ладони там, где они лежат на моих щеках.

– Хорошо, и все благодаря тебе.

– Я говорю это с того самого дня, как встретил тебя, Сара. Ты ведь это знаешь, правда? Когда я уезжал на похороны Дилана, именно ты помогла мне через это пройти. Знание, что ты есть в моей жизни – вот что прорвалось сквозь тьму.

– Крис, – выдыхаю я, обвиваю его руками за шею и прячу лицо у него на плече. Щемящая боль пронзает меня при воспоминании о том, как после смерти Дилана я нашла Криса в клубе Марка, ищущего избавления от боли в ударах плети. – Я люблю тебя. – Не могу скрыть дрожь в голосе, да и не пытаюсь. Я отклоняюсь назад и поднимаю на него глаза,

раскрываясь, давая ему возможность почувствовать искренность моих слов. – Я так сильно люблю тебя, Крис.

– Я тоже люблю тебя, Сара. Больше, чем позволял тебе увидеть. Но я собираюсь это исправить. – Он нежным жестом убирает волосы с моего лица. – Ты прими горячую ванну, а я пока сделаю несколько звонков, а потом мы поспим.

– Да, хорошо, – говорю я. Он еще несколько секунд стоит, и я не могу понять его, но, думаю, он хочет что-то сказать или ждет, что я что-то скажу. Так много, слишком много между нами несказанного, но я не представляю, с чего начать, и подходящее ли сейчас время. Он отворачивается, и момент упущен. Он идет к ванне, само воплощение грации и сексуальности, и наклоняется, чтобы включить воду, но именно эта нежность и заботливость делают Криса тем мужчиной, которого я люблю. Он тот мужчина, которого я нашла связанным и требующим более жестокой порки, и в то же время мягкий и заботливый, как сейчас, и этот контраст воспламеняет мое тело и согревает сердце.

Я кладу руку на край стойки и оглядываю ванную, которая размером с небольшую спальню. Тут такой же белый кафель, как в нашей квартире в Сан-Франциско, но с серой отделкой и серебристой фурнитурой. Она роскошная, как и запах, щекочущий мне нос, – мускусный и мужской, с пряными нотками.

Крис поднимает бутылку.

– Мой шампунь. Это единственное, что я могу тебе предложить, пока не купишь все, что захочешь.

– Мне нравится пахнуть тобой, – говорю я, вспоминая случай, когда я побрызгалась его одеколоном и сказала то же самое.

Он подходит ко мне, невозможно сексуальный в своих линялых джинсах и голубой майке с надписью AC/DC, и кладет руки мне на колени. «Ты моя», – говорит прикосновением, словно он ставит на мне свое тавро, и оно желанно. Да. Да. Я его.

– А мне нравится, когда ты пахнешь мной, – отвечает он голосом как бархатисто-нежная ласка.

Однажды он уже говорил эти же слова, и я реагирую на них, как и в первый раз. Я забываю обо всем на свете, мое тело оживает, по нему растекается восхитительное покалывание. Он прогнал прочь плохое, и все, что есть во мне, теперь сосредоточено исключительно на нем. На том, чем мы стали вместе.

Костяшкой пальца он проводит по моей щеке, и я чувствую перемену его настроения. Почти ощущаю ту темную, опасно-порочную сторону Криса, готовую выйти наружу поиграть. У меня подводит живот, и что-то примитивное и женское начинает пробуждаться во мне, требуя удовлетворения. Когда-то я отказывалась признавать, как хорошо понимаю эту сторону Криса и настолько схожа с ним, но те времена миновали. Я такая, какая есть, даже если не до конца понимаю саму себя. Но мысль, что пойму и что Крис не согласится на меньшее, невозможно возбуждающая.

Крис отступает назад, и мне становится холодно там, где только что было тепло. Пальцы его сжимаются, и мускулы на руках как крепкие стальные обручи. Я поднимаю на него взгляд и вижу жесткое выражение лица и напряженную челюсть. Но буря, бушующая в его глазах, красноречивее всяких слов.

Он несет на своих плечах огромную тяжесть, включая меня. Несмотря на все возможные усилия спасти Дилана, он потерял его: ребенок умер от рака. А потом мы с ним чуть не потеряли друг друга. А теперь еще и Ребекка умерла, а ведь он предупреждал ее, чтобы держалась подальше от клуба.

Сердце мое сжимается от мысли, что он, вероятно, винит себя за ее смерть; думает, что должен был сделать больше. Я знаю, он считает себя виноватым в смерти своего отца, а может быть, и матери.

Он нуждается во мне. К черту полицию, Эву и все проблемы и неприятности. Я начинаю подниматься, и он делает еще шаг назад.

– Я собираюсь пройти по дому и удостовериться, что все в порядке, – говорит он и, быстро развернувшись, исчезает из ванной, оставив дверь открытой.

Я смотрю ему вслед, порываюсь пойти за ним, но борюсь со своим порывом. А почему я с ним борюсь? Раньше и не подумала бы.

Я нервно покусываю губу. Знаю почему. Кусочек темноты, с которым я сражалась во время нашей поездки, это все, что не сказано и не сделано между нами. Мы только-только начали находить друг друга, когда смерть Дилана, такого милого, чудесного ребенка, пробудила демонов прошлого Криса и едва не погубила нас. Но я приехала сюда бороться за Криса и за нас.

Итак, решение принято. Я соскальзываю со стойки и подхожу к ванне, чтобы закрыть воду, затем быстро пересекаю большую спальню, краем глаза замечаю блеск коричневой кожи и балкон. Выхожу в длинный коридор со сверкающим полом черного дерева, который разветвляется в нескольких направлениях, но Криса нигде не видно.

Мой взгляд цепляется за два пролета современной лестницы из стали и дерева, один поднимается, а другой спускается. Внизу, логично предположить, находятся кухня и гостиная, и я направляюсь в ту сторону.

Ступеньки изгибаются, поворачивают и даже выводят к еще одному лестничному маршу, ведущему наверх. Я продолжаю спускаться. Когда я уже почти внизу, слышу низкий хриловатый голос Криса, разговаривающего с кем-то недовольным тоном. Я невольно иду на голос. Буквально пролетаю оставшуюся часть пути и оказываюсь в гостиной захватывающей дух красоты в форме круга, с современной мебелью и элегантными столами, сочетающимися с лестницей и полом.

Теперь я не вижу и не слышу Криса, и взгляд мой скользит к лестнице, которая ведет вверх, судя по всему, в кухню. Когда я устремляюсь в том направлении, прохладный воздух омывает меня, привлекая к приоткрытой балконной двери, которую я сразу не заметила. Должно быть, он вышел на балкон, пока я спускалась.

Через несколько секунд я у двери и, выглянув, вижу Криса спиной ко мне.

– Могу только сказать, сделай все, чтобы избавить Сару от этого дерьма. Она такого не заслуживает. И если им нужны деньги и ресурсы, чтобы найти Ребекку и похоронить ее по-человечески, действуй.

Воздух застревает у меня в горле, и я понимаю, что мы столкнулись лицом к лицу с его демонами. Я не собираюсь позволить им взять верх. Всякая слабость и всякий страх, которые владели мной эти последние несколько часов, испаряются.

Крис делает вид, что в полном порядке, хотя это не так. Он нуждается во мне. Он нуждался во мне и когда умер Дилан, и я больше не дам ему отгораживаться от меня.

Я открываю дверь, не заботясь о том, что помешаю его разговору. Начинающийся день прохладный, не холодный, но в груди у меня все горит. Крис поворачивается на звук моих шагов, и неяркий верхний свет освещает удивление на его лице на фоне Эйфелевой башни. Нет, не так. Его боль – вот вечный фон.

– Мне надо идти, Стивен, – говорит Крис. – Позвони, когда будут новости. – Он отключается и прячет телефон в карман джинсов. – Я думал, ты принимаешь ванну.

Я сокращаю расстояние между нами и крепко-крепко обнимаю его. Его руки обвивают меня, а ладонь скользит в волосы.

– Что такое, Сара? Что случилось, детка? Поверенный сказал...

– Мне сейчас наплевать, – говорю я, поднимая лицо, чтобы посмотреть на него. – Мне плевать на детектива, на Эву, на всех, кроме тебя. Пожалуйста, скажи, что не винишь себя в смерти Ребекки. Это сделала Эва. Не ты. Не Марк.

Удивление вспыхивает у него на лице, прежде чем оно делается непроницаемым. И я больше не могу прочесть его реакцию, но то, как мышцы напрягаются под моими ладонями, говорит, что я задела за живое.

– Я знаю, что это сделала Эва.

Я качаю головой, ощущая в нем чувство вины, в котором он не признается.

– Ты не знаешь – ты думаешь, что должен был сделать больше, чтобы вытащить Ребекку из клуба. Но ты сделал все, что мог, Крис. Ты сделал больше, чем кто бы то ни было.

Он пристально смотрит на меня из-под полуопущенных век. Мы дрейфуем в море молчания, его реакцию невозможно понять, и я не знаю, что делать дальше. Крис легко переходит от тьмы к свету, от боли к наслаждению, и я понятия не имею, как передвигаться по тряскам водам его темной стороны.

Но я хочу научиться. Хочу, чтобы он нуждался во мне, а не в проклятой плетке, разрывающей плоть. Но пока я не знаю, как этого добиться. Следует ли подтолкнуть его разобраться со своими чувствами, не давать ему носить их в себе, где они, в конце концов, могут взорваться? Или пока оставить все как есть?

Он берет мое лицо в ладони и заглядывает в глаза. У меня создается впечатление, что он ищет ответ на незадачный вопрос, и еще никогда в жизни мне так не хотелось, чтобы он нашел его во мне.

– Чего я не знаю, – наконец признается он, – это как смогу теперь спать после того, как вчера ты чуть не умерла у меня на глазах.

Никто, кроме мамы, никогда не любил меня настолько, чтобы так беспокоиться, но с Крисом это беспокойство осложнено. У меня хватает ума увидеть надпись на стене, и мне не нравится, что в ней говорится. Пока я размышляла в самолете о том, что будет в Париже, Крис думал о трагедии Ребекки и своей роли в ней.

– Мы не они, – говорю я ему. – Мы не Ребекка и Марк. И я никуда не уйду, так что простопусти меня. – Я говорю не о нашем доме. И мы оба это понимаем.

Едва я успеваю произнести эти слова, как его рот завладевает моим, язык ласкает мой, пробуждая чувства, наполняя меня его вкусом. Томимая жаждой, я хочу его страсти, хочу его боли. Хочу всего сразу.

Я тащу его майку, забираюсь ладонями под ткань, впитывая ощущение его обнаженного твердого тела под своими ладонями. Наконец-то. Я ждала, кажется, целую жизнь, чтобы быть вот так близко к нему, и из груди моей исторгается тихий стон не то облегчения, не то наслаждения.

Крис отрывается от моего рта, ныряет пальцами в волосы и удерживает перед собой. На его красивом лице отражается борьба.

– Ты упала в обморок, Сара. Я боюсь навредить тебе.

– Я приехала в Париж не с мистером Любезность, Крис, так что пусть он пока отдохнет. И я не усну, пока мы этого не сделаем. – Я пытаюсь дотянуться, чтобы поцеловать его.

Он крепче стискивает мои волосы и рассылает эротический трепет вверх и вниз по позвоночнику. О да. Прощайте, мистер Любезность. Здравствуй, Крис.

– Нежность – не то, что помогает мне справиться с теми демонами, которые обуревают меня сейчас, – предупреждает он. – Почему, по-твоему, я ушел из ванной?

– Я не хочу нежности. – Мне не нравится то, что я вижу у него на лице – борьбу между страстным желанием овладеть мною и тем, что, как он думает, я готова принять. И я не позволю ему решать за меня. – Я понимаю, что значит, когда нужно больше. Мне нужно больше, Крис.

В мгновение ока он прижимает меня к огромной белой колонне, разделяющей железные ворота, обхватив руками за талию.

– Раньше я думал, что ты не понимаешь, но я ошибался. Ты понимаешь. Слишком хорошо. И я виню себя за это, Сара. Не хотел я этого для тебя.

Его чувство вины из-за Ребекки может так легко перетечь в наши отношения, как и страхи из-за того, кто он и кем сделает меня.

– Я же сказала тебе: я не Ребекка, так что прекрати это самобичевание, Крис. Я читала ее дневники. Она изменила себя, чтобы быть с Марком. Не ты превратил меня в ту, кто я есть сейчас. Единственное, что ты сделал, это помог мне перестать прятаться от себя самой, и я так рада. Не заставляй меня чувствовать, как будто мне надо начинать сначала.

Секунды тикают одна за другой, и он долго вглядывается в мое лицо, прежде чем спрашивает:

– Кто ты, Сара?

Я вызывающе вздергиваю подбородок.

– Если ты до сих пор этого не понял, предлагаю тебе узнать, пока еще не поздно повернуть назад.

Не успеваю я моргнуть, как Крис разворачивает меня лицом к перилам, и я хватаюсь за них руками, чтобы устоять. Ладонь его ложится у меня между лопаток, и он шагает ближе, обрамляя мои бедра своими, прижимаясь ко мне возбужденной плотью.

– Ты помнишь, что я обещал тебе в лос-анджелесском отеле?

– Да. Что перестанешь защищать меня от себя. Но ты не перестал, – обвиняюще отзываюсь я, уверенная теперь, что сейчас подходящее время и подходящее настроение, чтобы подтолкнуть его.

– Детка, я сдерживался сегодня, чтобы дать тебе отойти от того, что ты пережила. Но пусть это тебя не обманывает. Я не привез бы тебя сюда, если бы собирался защищать от себя. – Рука его по-собственнически расплывается у меня на животе. – Что еще я говорил тебе?

Ресницы мои опускаются, жар горячей лавой растекается по телу при воспоминании о том, как мы лежали в постели того лос-анджелесского отеля, нежно прижимаясь друг к другу.

– Что я буду твоей безраздельно, если останусь с тобой.

– Каждой клеточкой, – охотно соглашается он. – Это означает, что я познаю тебя полностью. Всю тебя. И в этот раз ты поймешь, что это такое.

– Покажи мне, – бросаю я вызов, желая, чтобы он владел мной целиком, чего не позволила бы никому другому. Никогда не думала, что захочу так много от мужчины, но это же Крис, и это единственный ответ, который мне нужен.

– Что показать? – спрашивает он.

– Каково это – принадлежать тебе, – осмеливаюсь ответить я, и жар скапливается внизу живота от эротических образов, вспыхивающих перед моим мысленным взором. – Потому что пока я этого не почувствовала. А я так хочу!

Он прикусывает мочку моего уха, дыханием дразня чувствительную кожу.

– Ты почувствуешь, Сара. Почувствуешь. – Он отступает от меня, и мне тут же становится холодно и одиноко. – Повернись.

Я натужно сглатываю, возбужденная возможностями, разбуженными его обещанием, счастливая, что мы совершаем это путешествие вместе, минуя стену, которую чуть не воздвигла потеря Ребекки. Я медленно, неуверенно поворачиваюсь и встречаюсь с его взглядом, но вместо горячих углей и тлеющей золы нахожу нежность.

Он кивает головой в сторону дверного проема.

– Иди в дом, детка.

Сердце мое сжимается от ласкового обращения, которое он часто использует, и того послания, которое я читаю в нем. В какое бы странствие он ни взял меня сейчас, мы по-прежнему будем вместе, когда оно закончится.

Он полностью владеет собой. Он уже больше не за гранью. Он собирается взять меня за грань. И я хочу туда с ним. Чтобы быть рядом.

Глава 5

В доме теплее, чем на улице, но все равно прохладный контраст с жаром, пылающим у меня внутри, когда я вхожу в гостиную. Нетерпеливое ожидание легким покалыванием бежит по нервным окончаниям, но шаги мои медленные, неуверенные. Я не знаю, куда Крис хочет, чтобы я пошла, и каких действий ждет от меня, но готова ко всему.

– Стой, – командует Крис, когда я дохожу до дивана. Я останавливаюсь, и он добавляет: – Повернись ко мне.

Я поворачиваюсь и вижу, что он стоит на другом краю кремового шестифутового ковра с мягким ворсом. Он скрещивает руки на груди, и пестрая татуировка дракона растягивается со вздутием мускулов. «Он символизирует силу и богатство – две вещи, о которых я мечтал в юности», – объяснил Крис, когда я спросила о рисунке. Я так хочу узнать, что побуждало его желать их. Чего он хочет сейчас?

– Разденься.

Я резко вскидываю глаза от руки Криса к его красивому непроницаемому лицу, ища там то, о чем он думает, и не нахожу ничего, кроме порочного требования. Я не удивлена его прихотью; Крис любит, когда я раздеваюсь донага, а сам он остается полностью одетым. Это вопрос власти и подчинения. Его власти. Моего подчинения. Я не всегда подчинялась ему с готовностью. А может, всегда, просто не признавалась в этом ни ему, ни даже себе.

Я сбрасываю туфли, словно играю стриптизершу у шеста, и первым снимаю наименее интимный предмет одежды. Может, я и желаю быть покорной, но все же Крис, как господин и повелитель, чуточку пугающий. И сексуальный. Такой чертовски сексуальный.

Следующей я снимаю куртку, и даже сейчас, как бы сильно ни желала этого, как бы ни доверяла ему, я чувствую себя уязвимой и незащищенной. Мне хочется понять почему. Но в то же время меня возбуждает то, что я раздеваюсь для него. Похоже, что уязвимость и незащищенность с Крисом заводит меня. В каком-нибудь ином случае раздевание для него можно было бы растянуть в соблазнительную игру, но это не тот случай. Я готова покончить с этим и узнать, что же произойдет дальше.

Я не смотрю на Криса, быстро снимая майку, потом выкальзываю из своих бархатных штанов. Остаюсь в красном лифчике и красных трусиках и останавливаюсь всего на мгновение, прежде чем продолжить. Расстегиваю лифчик и отбрасываю его в сторону. Следующими идут трусики, отброшенные подальше босой ногой. И теперь все так, как Крис и хотел: я обнажена, а он нет.

Глаза его совершают медленное жаркое путешествие по моему телу, и я потрясена, насколько эротичным может быть один лишь его взгляд. Я уже испытывала такое раньше, этот раз не первый, однако ничуть не менее взрывной. Я возбуждена сверх всякой меры, обнажена, когда он не испытывает того же, и в прошлом это меня беспокоило, но сейчас ничуть. Это часть его власти и контроля, и он был прав: я не только люблю, когда он командует, я больше даже не пытаюсь анализировать, почему быть под его господством теперь моя почти физическая потребность. Просто это так. И мне это нравится.

– На колени в середине ковра, – приказывает он.

Из возбужденной и уверенной я вдруг превращаюсь в комок нервов и колотящегося сердца. На колени? Ни о чем подобном он меня еще никогда не просил, точнее, не приказывал.

Я была полностью в его власти, стоя, обнаженная, на коленях посреди ковра. Сходство между записью Ребекки в дневнике и этим моментом поразительно, но именно разница между тем и этим скручивает меня в тугой узел. Ребекка писала о том, как Марк выставил ее

перед всем клубом, как это потрясло и расстроило ее. Я же здесь наедине с Крисом, который, я уверена, никогда бы не совершил подобного. Она хотела того, что есть у меня.

– Сара, – мягко зовет Крис, и снова в его голосе слышится эта нежность.

Мой взгляд поднимается от ковра, и озабоченность на его лице отражает то, о чем я только что думала. Крис никогда не причинил бы мне боли. Ну не такой это человек.

– Все хорошо, – отвечаю я на его безмолвный вопрос и делаю шаг вперед, чувствуя, как мягкий ворс окутывает мои босые ноги и ведет меня на середину ковра.

Выражение лица Криса вновь делается жарким и деспотичным, и соски мои напрягаются от его опаляющего взгляда. Я медленно опускаюсь перед ним на колени, его послушная раба, какой еще ни разу не была до этой минуты.

Я уверена: что бы ни произошло дальше, это будет нечто в духе Хозяина и Господина, как в дневниках Ребекки.

Но Крис делает шаг вперед и встает на колени передо мной, одна ладонь ложится мне на щеку, пальцы ласкают кожу, и я моргаю от неожиданности, вижу в его глазах любовь и нежность.

Я накрываю его руку своей.

– Я думала, ты забыл о нежности. Такой жесткий, колючий.

Губы его слегка изгибаются в усмешке.

– Наверное, это ты развращаешь меня.

Я улыбаюсь упоминанию о том, что как-то сказала ему.

– Мне нравится тебя развращать.

– Как и мне тебя. – Его пальцы медленно соскальзывают с моего лица, ладонь гладит голое плечо. – Не двигайся.

Крис встает, идет к портьеру и отвязывает от нее атласную ленту. Пульс мой учащается от воспоминания о рисунке, который он однажды нарисовал: я, голая и связанная, на полу. Во рту у меня пересыхает. Я знаю, что он собирается делать с лентой.

Когда он поворачивается ко мне, я вижу в его глазах чувственный голод. Нежного Криса больше нет, зато появился порочный и хищный Крис, преследующий женщину, на которую он положил глаз. И у меня перехватывает дыхание от одной только мысли, что эта женщина – я.

Он садится передо мной на корточки и ощупывает взглядом мою грудь. Воображаемое прикосновение, как бархат, скользит по коже. Соски напрягаются от невидимого трения, и я томлюсь по безумному натиску его рук и губ.

– Сцепи пальцы перед собой.

Он ожидает колебания, я вижу это по его лицу, но я не колеблясь делаю, как приказано. Выражение его лица непроницаемо; он просто обматывает длинную ленту вокруг моих запястий несколько раз, потом завязывает, оставляя длинную полоску шелка волочиться по полу.

Потом наматывает свисающий конец ленты себе на руку.

– Ты в моей власти, ты знаешь, да?

– Это должно было напугать меня?

– Нет, не должно. А если напугало, я сейчас же развяжу тебя.

– А не ты ли мне говорил, что смысл того рисунка, где я вот так же связана, не в зависимости, а в доверии?

Глаза его слегка расширяются, потом сужаются.

– А еще я говорил, что это то доверие, о котором я не имею права тебя просить.

– Тебе и не надо просить, – шепчу я. – Оно уже у тебя есть.

– Я знаю это, Сара. Теперь встает вопрос, что я с ним сделаю, и не возненавидишь ли ты меня после этого.

– Нет. – Несмотря на путы, я нахожу пальцами его руки. – Не надейся. Я не могу ненавидеть тебя.

– Нам обоим надо узнать, так ли это.

– Пожалуй, – соглашаюсь я.

Я хочу, чтобы он возразил или подтвердил мои слова, но он не делает ни того ни другого. Он просто наклоняется и целует меня в лоб – нежный жест, который противоречит связанным рукам и тому, что наверняка скоро произойдет между нами. И он садится рядом и распластывает пальцы у меня на спине.

– Наклонись вперед и положи руки перед собой на ковер.

Я вижу в его взгляде твердый блеск вызова и читаю безмолвное послание, которое он хочет до меня донести. Если я не справлюсь с этим, то никогда не смогу совладать с темными тайнами, запертыми в его душе и в прошлом, требующими выхода. И скорее всего Крис уверен, что я возненавижу его еще до того, как все закончится, что бы это ни было.

Вот оно, начинается. Проверка номер один, первая из многих, я уверена.

Я мятежно вздергиваю подбородок, возмущенная тем, что он заранее настроен на мою неудачу. Потом перебираю пальцами по ковра, вытягиваясь вперед как можно дальше. Рука Криса остается лежать у меня на спине легкой тяжестью, но без нажима. Она просто там, как намек на предстоящее удовольствие. Несколько секунд мы не двигаемся, и сексуальное напряжение в комнате потрескивает вокруг нас.

Ворс ковра щекочет мне соски, и прохладный воздух ласкает голое тело. Я совершенно открыта и уязвима. Натужно сглотнув, пытаюсь понять, как Ребекка делала нечто подобное перед посторонними. Доверяла ли она Марку так, как я доверяю Крису? Или просто любила его так, как я люблю Криса?

Крис гладит мне спину, и эротическое наслаждение вытаскивает меня из мрачного места, куда забрели мои мысли. Ладонь с легким трением скользит по позвоночнику, потом по талии, пока палец находит копчик, затем продолжает путешествие вниз. В нетерпеливом ожидании, куда он двинется дальше, дыхание мое становится сбивчивым, судорожным, я почти задыхаюсь. И когда Крис начинает очень нежное скольжение по ложбинке между ягодицами, моя плоть сжимается почти болезненно.

– Тебе понравилось, как я шлепал тебя, Сара? – спрашивает он, ладонью лаская мои ягодицы так, как в ту ночь, когда подверг меня экзекуции.

Кожу мою покалывает под его прикосновениями, и я слышу собственное дыхание, частые короткие вдохи и выдохи, которые не могу контролировать.

– Я... я не знаю.

Его ладонь замирает, пальцы расширяются и напрягаются.

– Тебе понравилось, как я шлепал тебя? – Голос его низкий, напряженный, очень властный.

Почему-то ни волосы, упавшие мне на лицо, ни вытянутые с обеих сторон руки не защищают меня с этого момента. Я зажмуриваюсь, сознавая, что обнажила перед Крисом больше, чем просто тело. Я обнажила ту часть себя, которую так хочу понять, однако, кажется, не могу до конца принять. Но хочу. Нет, не просто хочу, мне это необходимо. Мне надо сделать это.

– Да, – наконец шепчу я. – Да, понравилось. – Я задерживаю дыхание и жду ответа, которого все нет. Одна секунда. Две. Ничего. Я начинаю вставать.

Крис прижимает ладонь к моей спине между лопаток, удерживая меня, и тепло его дыхания дразнит мне шею и ухо.

– Оставайся на месте.

Тут он покидает меня, и волна неожиданной, неразумной паники накрывает меня с головой. Я с трудом удерживаюсь от того, чтобы сесть, делаю глубокий вдох и пытаюсь

осознать то, что чувствую. Я только что сделала откровенное признание, которое мне было нелегко произнести вслух, и уж никак не думала, что после этого останусь лежать тут одна, обнаженная и связанная.

Не этого ожидала я от Криса. Это поведение Господина в дневниках Ребекки – Марка. Чувствую сомнения, неуверенность в себе. Черт побери, я ненавижу эту глубоко запрятанную неуверенность, которая, похоже, не перестает преследовать меня, заставляя сомневаться, на самом ли деле я знаю мужчину, которого люблю. Мужчину, который совсем не такой, как Марк. А он не такой. Это-то мне известно.

Я через силу делаю еще один глубокий вдох и мысленно повторяю это снова и снова. А потом вдруг Крис снова оказывается рядом со мной, прикасается ко мне, и я чувствую его нагое тело, вытягивающееся рядом. Напряжение внутри отпускает, тепло сменяет озноб. Он поворачивает меня на бок лицом к себе, прижимаясь своей возбужденной плотью ко мне между ног, обжигая горячей ладонью грудь. Глаза встречаются с моими, и совершенно невероятная смесь порочного мужского доминирования и восхитительной нежности прогоняет прочь остатки моей неуверенности.

Он убирает волосы с моего лица.

– Ты ведь понимаешь, что нет ничего плохого в том, что тебе понравилось, как я шлепал тебя, правда?

Краска приливает к щекам, и я опускаю глаза, застигнутая врасплох возвращением нашего прежнего, откровенно эротичного разговора. Пальцы его скользят мне под подбородок и заставляют вновь с интересом посмотреть на него.

– Это же только мы, ты и я, детка, и я не такой, как все те, кто был в твоей жизни. Со мной тебе нечего ни смущаться, ни стыдиться. Ты можешь принять себя такой, какая есть, и мы будем теми, кем хотим быть вместе. И никто нам не помешает.

У меня сжимаются внутренности от намека на то, как мой отец и Майкл пытались меня переделать и контролировать; Крис задел за живое, и это свидетельство того, насколько он стал частью меня, насколько хорошо меня понимает, когда я сама до этого момента не позволяла себе это понять.

Мне так хочется освободить руки и прикоснуться к нему, и в то же время я хочу оставаться связанной. Хочу узнать, что будет дальше.

– Я знаю, – шепчу я. – Знаю, Крис, и ты даже не можешь себе представить, насколько важно для меня, что ты не просто так это сказал. Ты утверждаешь это серьезно. Просто мне надо еще немного времени, чтобы окончательно выбросить их из головы.

– Мы прогоним прочь всю неуверенность, которую они вложили в твою голову, детка, – обещает он и скользит своим членом взад-вперед у меня между ног, рассылая стрелы наслаждения по бедрам и вверх. – Ты, я и целое море наслаждений.

Я резко втягиваю воздух, когда он вжимается в меня, растягивая, и хочу обнять его, но не могу из-за связанных рук.

Он наверняка полагает, что прошлое преследует меня, поэтому я не справлюсь ни с чем, кроме обычного традиционного секса. Он думает, что моя робость означает слабость, и я хочу доказать ему, что он ошибается. Но с этим ощущением его во мне, с растекающимся по мне жаром мне удастся лишь пискнуть:

– Что ты делаешь?

– А на что это похоже? – спрашивает он, покусывая мне шею. – Я занимаюсь с тобой любовью.

Он стискивает мне ягодицы, и я издаю тихий стон от эротичной грубоватости этой ласки, когда он крепко прижимает меня к себе, погружаясь глубоко внутрь. Наполняя меня целиком. И этот мужчина воистину наполняет меня целиком, во всех смыслах. Я хочу сделать для него то же самое.

– Но я думала, что ты собираешься...

– Любить тебя, – договаривает он за меня, и его плоть скользит взад-вперед, уводя меня все дальше, поднимая все выше. – Да, детка, именно так.

– Я не это имела в виду, – слабо возражаю я, охваченная наслаждением. Мне трудно просто держать глаза открытыми, но я борюсь с переполняющими меня ощущениями, желая доказать, что готова к большему. Он с силой вонзается в меня, и я воспаряю. Отчаяние поднимается во мне. Но без рук у меня нет иного оружия, кроме слов:

– Крис, черт побери. Остановись. Послушай меня.

Его глаза встречаются с моими, и на этот раз я нахожу в них горячие угли и тлеющую золу. Он вновь погружается в меня с лукавой улыбкой на губах.

– Я слушаю. Говори.

Я перевожу дыхание после всплеска наслаждения, решительно настроенная убедить его, что готова к «большему», которого мы оба жаждем.

– То, что я не сразу призналась, что мне понравилась порка, не означает, будто я не хочу попробовать еще раз. Пожалуйста, отшлепай меня. Мне это нравится.

Его пальцы обхватывают меня за шею, притягивая к себе меня и мои губы.

– Я сделаю это и еще многое другое с тобой, Сара. Только не сейчас. Не сегодня. – Его рот накрывает мой, мягкий и чувственный, но от этого не менее властный и требовательный.

Я хочу воспротивиться, хочу донести до него свою мысль, но этот поцелуй пронизан глубоким желанием и страстью, не похожий ни на один наш поцелуй с тех пор, как я ступила на борт самолета несколько часов назад. Он назвал меня своей одержимостью. Это он моя одержимость, моя страсть. Ради него и благодаря ему я дышу, и когда он снова начинает двигаться во мне, я забываюсь в покачивании наших тел, в толчках его плоти. Забываюсь в том, насколько этот мужчина дополняет меня.

Он переворачивает меня на спину и протягивает руку к ленте, связывающей мои запястья. Реальность резко возвращается, и я широко распахиваю глаза.

– Нет, – говорю я, прижимая руки к груди. – Я не хочу, чтобы ты меня развязывал. Я больше не желаю медлить.

Он хватает ленту вместе с моими руками, грубовато-сексуальный, каким может быть только он, и я молча радуюсь проблеску этой его стороны.

– То, что мы делали, называется уклонением, – заявляет он, и рот его опускается, задерживаясь возле моего. Дыхание – теплое влажное обещание у меня на губах. – А сейчас, занимаясь с тобой любовью, я наслаждаюсь каждым мгновением. И в случае, если ты не знала, ты – единственная причина, по которой мне известно, что это значит.

Дыхание застревает у меня в горле, невероятность того, какой путь мы прошли за такое короткое время, переполняет сердце.

– Я?

– Ты не можешь не знать.

Меня тут же омывают эмоции и да, такие сильные, такие чудесные чувства к этому мужчине.

– Я знаю, – шепчу я. – Знаю, потому что чувствую то же самое к тебе. – Я пытаюсь дотянуться до него, но не могу. – Мне хочется прикоснуться к тебе.

Он развязывает мне руки, и я могу поклясться, что вижу, как он дрожит, отбрасывая ленту в сторону. От желания? От любви? Я действую на него так же, как и он на меня, и это связь, которой я никак не ждала и которую ни за что не хочу потерять. Его глаза встречаются с моими и не отпускают, воздух сгущается вокруг нас, и слова больше не нужны. Мы понимаем друг друга. Мы нужны друг другу. Крис во мне, большой и твердый, но это гораздо больше, чем секс. Он прав. Это любовь.

Он целует меня пылко и властно, язык проникает в рот, лаская, скользя. А ладонь тем временем пробирается под меня и приподнимает таз. И от этого как будто ветка с треском ломается, и мы кубарем летим в безумный костер страсти. Тот Крис, которого я знаю, не теряет самообладания – но сейчас он его утратил, мы оба утратили, и я извиваюсь, словно пытаюсь залезть ему под кожу. Рот его на моих губах, на шее, на соске, посасывает и лижет, и плоть его движется во мне медленно, потом быстро, быстро, потом снова медленно.

Время замирает, а Крис неумолим, наказывая меня твердыми ударами своей плоти и нежными, игривыми ласками языка. Я пропадаю и нахожусь в одном этом месте, в одном этом мужчине и отчаянно пытаюсь сдержаться, продлить эти мгновения. Но не могу. Я вонзаюсь пальцами ему в спину и сжимаюсь вокруг его древка, затягивая его глубже, но не так глубоко, как хотелось бы. Этот мужчина никогда не будет достаточно глубоко.

Освобождение – сладостное блаженство, оно побуждает еще выше приподнять таз, крадет дыхание. Все нервные окончания в моем теле оживают и его покалывает от удовольствия. Крис зарывается лицом мне в шею, тело его содрогается, и я чувствую, как теплый влажный жар его освобождения наполняет меня. Накатывает новая волна наслаждения, и это гораздо больше физического. Я потрясена, насколько хорошо чувствую себя с этим мужчиной. Насколько правильно, если можно так выразиться.

– Мне так безумно нравится заниматься с тобой любовью, – бормочет он, и когда поднимает голову, чтобы посмотреть на меня, я люблюсь его торчащими в разные стороны волосами и сытой тяжестью глубокого зеленого взгляда.

Мои губы изгибаются.

– Правда?

– Да, – подтверждает он и быстро целует меня в губы. – Не уходи. – Он выходит из меня и встает, и я резко втягиваю воздух от опустошающей боли его внезапного отсутствия. Он коварно усмехается моей реакции, явно довольный собой.

Я приподнимаюсь на локте, чтобы полюбоваться им, и, ой, вязкая жидкость у меня между ног не позволяет мне сдвинуться с места, чтобы ничего не испачкать. Ох уж эти радости реальности после горячего секса. Взгляд мой устремляется к голой сексуальной заднице Криса, когда он идет к дверному проему слева от меня. Ну ладно, возможно, реальность все же чертовски хороша. Кого волнуют эти мелкие неудобства? Крис исчезает в комнате и возвращается с полотенцем в руке, и вид спереди утраивает мое ощущение счастья.

Он хватает подушку с дивана и, вручив мне полотенце, укладывается на ковер. Я едва успеваю вытереться, как он притягивает меня спиной к себе, и мы устраиваемся на подушке. Лежим вместе, растянувшись на ковре, в сплетении рук и ног, и я чувствую, что еще никогда в жизни не была так счастлива. Крис загадочный и порочный, и я думаю, что я намного порочнее, чем когда-либо могла себе представить. Но вместе... вместе, полагаю, мы найдем путь к свету.

– Я больше никогда не смогу смотреть на этот ковер как раньше, – говорит Крис, потирая носом о мои волосы.

– Я тоже, – со смехом соглашаюсь я, но улыбка моя сникает, когда взгляд падает на ленту, которой Крис связывал меня. Мы приближаемся к обретению истинной душевной близости друг с другом, и я не хочу ничем, особенно моими тайными тревогами, испортить эту близость.

– Пожалуйста, пообещай мне, что то мое колебание по поводу порки не заставило тебя усомниться в моей способности справиться с тем, чем ты хочешь со мной поделиться. – Я заставляю себя копнуть глубже и посмотреть в лицо тому, что на самом деле не дает мне покоя. – И это не из-за Майкла. Я не хрупкий цветок, Крис. Я не сломаюсь из-за какой-нибудь глубокой душевной раны, если тебя это беспокоит.

Он переворачивает меня на спину, и его ладонь жестом собственника ложится мне на живот.

– Детка, я не собираюсь безучастно стоять в стороне и позволять этому негодяю отравлять твои мысли. Я заполню пространство другими вещами. Хорошими вещами. Приятными вещами. Но дело не только в Майкле. Я ни за что не сделал бы этого после того, через что ты прошла за последние несколько дней, когда существует риск, что подобный опыт может задеть чувствительный нерв. Иногда БДСМ помогает отключиться. А иногда еще глубже погружает в боль, заставляет посмотреть ей в лицо и справиться с ней. Ты еще слишком неопытна в этом, чтобы что-либо предсказать. Ты не знаешь, что тебе нравится, и как ты на это отреагируешь. И я не знаю.

Ко мне вдруг приходит воспоминание о Крисе в клубе, как он, связанный, кричит женщине позади него ударить сильнее, и мне понятно, почему он стал мастером в том, как помочь людям отключиться, уйти от реальности. Он не может передать контроль в чьи-то руки, не рискуя открыть рану и начать эмоционально истекать кровью. Не может, не прибегая к мучительным крайностям. К поркам.

– Мы занимались именно тем, чем я и хотел заниматься сегодня, – продолжает Крис. – Мы поработали над доверием, и ты доверяла мне достаточно, чтобы лечь обнаженной посреди этого ковра и полностью подчиниться мне. Доверие – это все, Сара.

Он обвивается вокруг меня, и я закрываю глаза, впитывая это восхитительное неповторимое ощущение – быть в кольце его сильных рук, и надеюсь, он сможет найти такое же доверие во мне, в нас, как нашла его я.

Я моргаю от солнечного света, льющегося с балкона, и вдыхаю теплый мускусный запах Криса, который все еще обнимает меня. Но несмотря на восхитительное тепло, я ощущаю в душе какое-то смутное беспокойство. Как будто бы что-то не так. Возможно, все дело в новом месте или часовом поясе, и мне интересно, сколько я спала.

– Крис! Эй, Крис, милый, ты где?

Женский голос эхом отдается от лестницы, быстро приближаясь, и этот звук действует на меня как ушат ледяной воды. Мне становится холодно, и я сознаю, что вот он, мой источник смутного беспокойства и то, что разбудило меня.

– Ох ты, черт побери, – произносит женский голос, и я понимаю, что она сейчас наверху лестницы, без сомнения, ошеломленно таращится на нас, лежащих на ковре. – Ух ты, Крис. Не рановато ли для подружек, а?

Я вздрагиваю от ее явного намека и пытаюсь сесть, но нога и рука Криса удерживают меня.

– Это совсем не то, что ты думаешь. Пожалуйста, детка, ничего не домысливай.

Мне и не надо ничего домысливать, когда эта женщина, которая явно знакома с ним достаточно близко, чтобы иметь ключ от его квартиры, остановилась в нескольких футах от нас.

Глава 6

Я не могу больше ни секунды лежать вот так на полу.

– Дай мне встать, Крис, – шиплю я.

– Не дам, пока не пообещаешь не делать скоропалительных выводов.

Он слегка сдвигается. Я пытаюсь оттолкнуть его, но он крепко меня держит. Я рычу от злости и отчаяния.

– Мы же голые перед ней, Крис. Ты голый перед ней. Это неприлично в конце концов.

Поколебавшись, он отпускает меня. Я поднимаюсь на четвереньки, поворачиваюсь и застываю. На верху лестницы стоит потрясающая, похожая на куклу Барби блондинка в обтягивающих черных джинсах и безрукавке. С длинными шелковистыми волосами, убийственно красивой фигурой и с татуировками на обеих руках. Каблуки ее красных «шпилек» невозможно высокие, я бы на таких точно спотыкалась, и на меня накатывает приступ дурноты. Зачем я здесь? В ней есть все, чего нет у меня и никогда не может быть.

– Что, скажи на милость, ты тут делаешь, Эмбер? – спрашивает Крис, потом бросает мне свою рубашку. – Возьми, детка.

Я, кажется, не в состоянии пошевелиться. Эмбер. Американское имя, и красивое. И Крис расхаживает перед ней нагишом. Я опускаюсь на пятки, чтобы схватить рубашку и набросить ее. Пытаясь встать, спотыкаюсь. И Крис поддерживает меня, схватив за руку. Все, что я вижу, это его босая нога и голая икра.

– Отпусти, – шиплю я, и мне удается посмотреть прямо на Эмбер, которая переводит взгляд с Криса на меня со злорадной усмешкой в глазах. Я оскорблена. Я смущена. Чувствую себя совершенно униженной и преданной. Эта женщина занимает в жизни Криса много больше места, чем он сказал мне.

– Сара. – Крис шагает вплотную ко мне, его бедро прижимается к моему. Голое бедро, черт бы его побрал.

– Пусти. – Я с трудом узнаю в этом сиплом рычании свой голос. – Ну же.

Он убирает руку, и я пулей несусь вперед. Поскольку вперед – это напрямик к Эмбер, я жалею, что выбрала этот путь, но будь я проклята, если отступлю. Я задираю подбородок и иду прямо на нее, а она усмехается своими пухлыми розовыми губами и отступает в сторону.

Ну, разумеется, почему бы и нет? Я же оставляю ее с Крисом. Обнаженным Крисом. Эта мысль все крутится и крутится у меня в голове, как заезженная пластинка. У нее есть ключ. Его не волнует, что он ходит перед ней голый. Она уже не раз видела его таким. И несколько не удивлена.

Это не стыкуется с тем, что я знаю о нас с Крисом, но я не смогу рассуждать здраво, пока не останусь одна. Я не конфликтный человек, я скорее просто развернусь и уйду, и вероятность того, что мне придется уйти навсегда, заставляет меня буквально корчиться от боли.

Я чуть ли не бегом взлетаю по лестнице и врываюсь в спальню Криса. В эту минуту не могу назвать ее своей, ибо боюсь, что ее, как и его, у меня отнимут. Грызущее чувство, что он на самом деле никогда не был моим, начинает терзать меня, и я, кажется, не в состоянии сделать больше ни шагу.

Остановившись за дверью, я приваливаюсь к стене и просто стою, тяжело дыша, и звук бухающего в груди сердца гулко отдается в ушах. Я жду какого-нибудь взрыва, жду слез, но не в силах даже плакать. Судя по моему недавнему обмороку, я совершенно уверена, что это не только эмоциональная перегрузка, но и то, что мозг и тело защищают меня от полного упадка сил. Я как будто стою рядом, заглядываю в себя и не вижу ничего, кроме зияющей пустой дыры. И чувствую только страх того, что скоро будет внутри нее.

– Сара.

Я резко разворачиваюсь к Крису. Мой взгляд окидывает его с головы до ног, как, я уверена, разглядывала его Эмбер множество раз. Он в расстегнутых джинсах, босой и без рубашки, и этого его полуодетого состояния достаточно, чтобы я взорвалась.

– Я приехала сюда не для того, чтобы играть с тобой и твоей подружкой-татуировщицей, Крис.

– Она не более чем друг, Сара. Не вовремя явившийся.

Я стискиваю руки, ногти впиваются в ладони.

– С привилегиями и ключом? Так ты определяешь доверие, о котором мы с тобой только что говорили? Иметь другую женщину на стороне, когда ты сказал, что у тебя никого нет? Или, может, я просто не спросила, есть ли у тебя друзья с привилегиями, поэтому ты и не рассказал мне о ней?

Я с трудом втягиваю воздух и болезненно выдыхаю.

– Черт бы тебя побрал, Крис. Я открылась тебе. Я отдала тебе всю себя, когда поклялась, что у меня не будет такого происходить никогда и ни с кем. Я позволила тебе отшлепать меня. – Боль разрывает меня на части, чуть не складывает пополам, но я кое-как умудряюсь держаться прямо. – Я еду домой. – И отворачиваюсь, ища спасения. Скорее бежать отсюда.

Крис хватается за руку. Я вновь разворачиваюсь к нему и пытаюсь вырваться, не собираясь позволить привлечь меня к себе и затмить мой рассудок. Рассудок, который явно отказывает мне, когда дело касается его, иначе я бы это предвидела.

– Я хочу уехать домой, Крис.

– Твой дом рядом со мной, Сара.

– Судя по всему, Эмбер тоже так считает.

Он указывает головой на кровать.

– Давай сядем, и я все объясню.

То, что он ничего не отрицает, вонзает еще один острый ледяной осколок мне в сердце. Я неистово мотаю головой, отвергаю эту идею.

– Нет. Я захочу поверить в то, что ты мне расскажешь, даже если это будет явная ложь. А нужно ли это?

Мой взгляд проходит по его плечу и по яркой разноцветной татуировке, сделанной ею, и гнев прожигает дыру у меня в животе.

– Ты хоть представляешь, насколько мне неприятно, что ты там был голый перед ней? Хотя это глупо, ведь наверняка она видела тебя таким гораздо чаще, чем я.

Глаза его вспыхивают, и я даже не успеваю отреагировать.

– Ну хватит, – рычит он. – Ты выслушаешь то, что я намерен тебе сказать. – И секунду спустя я уже нахожусь в его объятиях, и длинное мускулистое тело сливается с моим, делая именно то, чего я и боялась: отвлекает меня. Затмевает разум. Заставляет забыть. Черт бы его побрал!

Большой и сильный, он легко подводит меня к кровати, усаживает, а сам наклоняется и удерживает меня с боков, ловко пленяя. Глаза встречаются с моими, и кажется, не имеет значения, какой обиженной и преданной я себя чувствую. Мне никуда не деться от знакомого ощущения неразрывной связи с этим мужчиной, и не только физической.

– Ты единственная женщина в моей жизни, – заявляет Крис, и ничем не прикрытое глубокое чувство в его голосе возрождает во мне надежду. – Ты же знаешь это, Сара. Уверен, что знаешь. Ты просто реагируешь на события последних двадцати четырех часов и даже нескольких последних недель ада, через который мы вместе прошли.

Возможно.

Вероятно.

Частично – но я не даю ему надежду, которую он дал мне. Как бы ни было это эгоистично, но мне самой она очень и очень нужна.

– И еще, – признается он. – Было время, когда я спал с Эмбер, но уже несколько лет даже не прикасался к ней. И еще намного раньше это перестало иметь для меня какое-либо значение.

– Значит, когда-то она была для тебя особенной.

– Ты вырвала это из контекста. Мы познакомились в колледже, и она втянула меня в БДСМ.

Я потрясена его прозаичным заявлением. Она выглядит ближе по возрасту мне, чем тридцатичетырехлетнему Крису. Я и понятия не имела, что он учился в колледже, тем более, что именно тогда он и пристрастился к БДСМ. Он начал рисовать еще до этого, и я просто полагала, он занялся живописью сразу после окончания школы. Интересно, что еще я себе напридумывала такого, чего на самом деле не было?

– Детка. – Крис гладит меня по щеке, и это прикосновение отзывается во всем теле. Оно, мое тело, явно не желает слушать доводы рассудка. – Все, что было у меня с Эмбер помимо дружбы, давно прошло.

– Но это часть твоего прошлого, которое делает тебя тем, кто ты есть сейчас, и она, судя по всему, по-прежнему часть твоей жизни. Разве не так?

– Да, но именно то, что было в наших жизнях, и привело нас туда, где мы с тобой сейчас.

Он прав. Он совершенно прав. Так почему же это по-прежнему для меня такая проблема? Я закрываю лицо руками.

– Я запуталась.

Крис отводит мои руки от лица.

– Ты мое настоящее и, надеюсь, мое будущее.

– Тогда почему у нее есть ключ, и она считает, что может вот так свободно прийти? В любое время дня и ночи.

– Я просил ее присматривать за квартирой, пока меня нет, – объясняет он. – Охранная фирма сказала ей, что я приехал, а поскольку я вернулся без предупреждения, она испугалась, не случилось ли чего. Она просто друг, Сара. – Его ладони опускаются мне на ноги. – Ничего больше.

Он смотрит на меня, взглядом внушая увидеть в его глазах правду, и я вижу ее. Я верю Крису. Даже когда была там, внизу, в те ужасные минуты я верила ему. То была просто моя реакция на ситуацию. И на Эмбер. А какая женщина реагировала бы иначе?

– Она все еще хочет тебя, Крис. Я это почувствовала.

– Догадываюсь.

Его прямота ошеломляет меня, хотя не должна бы. До меня доходит, почему я верю ему, но этот ответ нелегко проглотить.

– И ты не видишь в этом проблемы?

Он смеется.

– Единственное, что она видит во мне, – это потенциального сексуального партнера, который по совместительству является другом. И у нее нет семьи. Я ее семья. Я для нее скорее старший брат, чем кто-то еще.

Я недоуменно хмурю брови от такого странного признания.

– Давай-ка разберемся. Ты старший брат и потенциальный сексуальный партнер? Одновременно?

– Ну да, у нее полная каша в голове, но я знаю, как с этим справляться. – Он поднимает меня на ноги. – Давай дадим ей ясно понять, что хозяйка здесь – ты. – Он ведет меня к двери.

Я делаю большие глаза и дергаю свою руку.

– Постой. Нет, Крис. В этом нет необходимости, к тому же мы не одеты. И все это будет очень глупо выглядеть.

Он поворачивается ко мне, и его белокурые растрепанные волосы меня пленяют.

– Это не просто необходимо, это обязательно. Хочу, чтоб вы обе уяснили, что это твой дом, и что ты – женщина моей жизни. В конце концов надо расставить все точки над «і».

Я резко втягиваю воздух, глубоко тронутая.

– Я это знаю, – мягко отвечаю я. – И ты это знаешь. А остальное не важно.

Он заключает меня в объятия.

– И ты поймешь это еще лучше после того, как мы спустимся вниз и я представлю тебя Эмбер.

Я бы предпочла встретиться с Эмбер позже, когда обрету более твердую почву под ногами.

– Но я в твоей рубашке, а ты в одних джинсах.

Его губы кривятся.

– Если это не показатель, то я не знаю, что тогда. – Он машет в сторону двери. – Давай избавимся от нее, потом примем душ и завалимся в кровать.

Решительное выражение его глаз говорит все. Мы сделаем именно так.

– Мне это не понравится, – предупреждаю я.

Он улыбается и целует меня в нос.

– В этот раз все будет совсем не так неприятно, чем когда ты нагишом стояла на четвереньках и глазела на нее.

Я съеживаюсь и прижимаюсь лбом к его груди, потом поднимаю голову и сконфуженно спрашиваю:

– Я правда так делала, да?

– Да, детка. – Он усмехается. – И при этом классно смотрелась. Поверь!

Я уже готова покраснеть от подобного замечания, но тут вдруг мне на ум приходит, почему я застыла в такой позе. Меня ошеломил контраст моих черных волос и белокурых Эмбер, моей нетронутой кожи и ее татуировок.

– Мы такие разные.

Он приглаживает ладонью мои волосы и ловит взгляд.

– И это хорошо, Сара. – В своей обычной уклончивой манере он больше ничего не добавляет. Просто сплетает наши пальцы и тянет меня к двери.

Беспокойство холодит мне спину, пока он буквально тащит меня вниз по лестнице в гостиную, но приостанавливается внизу, и наши глаза устремляются на ковер. Я вспоминаю момент, когда опустилась посередине на колени, голая и уязвимая, но полная нетерпеливого желания, потому что я с Крисом. Горячая краска заливает мне шею и словно поджигает щеки.

Крис бросает на меня взгляд искоса, глаза его поблескивают шаловливыми искорками, которые я уже привыкла в них видеть.

– Как я и говорил. Никогда больше не смогу смотреть на этот ковер, как раньше. Для меня он теперь другой.

Его настроение заразительно, и я улыбаюсь в ответ:

– Это очень удобный ковер.

Его губы изгибаются в чувственной улыбке.

– Когда на нем ты.

Я краснею, и блеск в его глазах говорит, что он это заметил. Он наклоняется и касается моих губ, голос его звучит низко и хрипло:

– У нас еще много комнат, которые предстоит испытать вместе, – обещает он, затем жестом показывает мне направо.

Легкость растворяется в воздухе, и у меня опять сосет под ложечкой, но я согласно киваю. Нехотя, и только потому что Крис так уверен, что это важно, позволяю ему повести меня к лестнице, ведущей в кухню. Стараясь оставаться спокойной, несмотря на недосыпание и сильнейшую эмоциональную перегрузку, я концентрируюсь на чем угодно, кроме предстоящей неприятной встречи с Эмбер, например, на том, как кухня располагается над гостиной подобно голубятне. Мне не терпится осмотреть весь дом.

Я успеваю сделать только один шаг, когда в ноздри ударяет знакомый аромат любимого французского кофе Криса. Тяжесть камнем оседает у меня в животе. Эмбер скорее всего чувствует себя здесь как дома. Я гоню прочь негативные чувства, напоминая себе, что сегодня неподходящий день, чтобы составлять мнения и давать оценки. Сегодняшний день для того, чтобы лечь в постель и как следует выспаться.

Мы с Крисом доходим до верха лестницы, и мой взгляд устремляется на Эмбер, сидящую за великолепной кухонной стойкой из камня, и ее шелковистые волосы, переброшенные на грудь, струятся по изящному плечу белокурой волной. Она – главное украшение серо-черной современной кухни с бытовой техникой из нержавеющей стали и длинным рядом серых шкафчиков над серо-черными столешницами. Она выглядит сногсшибательно, ее бледная кожа само совершенство, и я начинаю остро сознавать все свои недостатки: смазанный за день макияж, тяжесть своих темно-каштановых волос, которые говорят, что им срочно требуется душ.

– Я взяла свежемолотый «Малонго». – Она называет сорт кофе, который Крис так любит, что привез с собой из Штатов, и поднимает белую кружку, исходящую паром. – Налью тебе чашку.

Она смотрит на Криса и говорит с Крисом. Не слишком воодушевляющее начало.

– Мы сами себе сделаем, – отзывается Крис, ведет меня вокруг кухонной зоны к кофеварке и останавливается у стойки. – Я хочу показать Саре ее новую кухню.

– Ее кухню? – переспрашивает Эмбер.

Крис поворачивается к ней и притягивает меня к своему боку. Эмбер сидит, положив ногу на ногу, ногти у нее на ногах покрашены ярко-красным лаком под цвет босоножек.

– Именно, – подтверждает Крис. – Теперь Сара живет со мной. Все мое – ее.

Взгляд Эмбер тут же устремляется к моей руке в поисках кольца, и я ощущаю неприятный укол в грудь. Я прячу руку за спину, но снова чувствую себя так, будто меня ударили под дых. Мы никогда не говорили о браке, и это больно задевает меня.

Крис вытаскивает мою руку из-за спины и сжимает в своей.

– Я почел бы за честь, – говорит он тихим, взволнованным голосом, как будто Эмбер задала свой безмолвный вопрос вслух.

Неужели Крис только что сказал, что собирается на мне жениться? Перед Эмбер? Чудеса да и только.

Глава 7

Я потрясенно поворачиваюсь к Крису, ладонь моя ложится на теплую твердыню его голой груди.

– Что? – спрашиваю я, уверенная, что ослышалась. Мы никогда не говорили о браке, но я ловлю себя на том, что затаила дыхание в ожидании его ответа. Я никогда не осмеливалась даже надеяться на это.

Взгляд, который он обращает на меня, нежный и жаркий одновременно, полный обещания гораздо большего, чем очередное сексуальное приключение, которого мы оба жаждем.

– Не смотри так удивленно, детка.

– Но мы же... мы никогда...

– Мы обсудим это в свое время.

Долю секунды я вижу в его глазах беспокойство и понимаю: он только что дал мне и Эмбер понять, насколько серьезно ко мне относится, но на самом деле не верит, что я выйду за него замуж.

Я приподнимаюсь на цыпочки, кладу ладони ему на плечи и шепчу на ухо:

– Ничто не изменит моей любви к тебе. Ничто и никогда. – Я отклоняюсь, чтобы дать ему увидеть подтверждение в моих глазах, и замечаю промелькнувшую в его взгляде чистейшую муку. Он тронут моими словами, но не верит, что это правда. Просто удивительно, какой длинный путь мы проделали вместе, как поменялись наши роли. Не так давно я сомневалась, буду ли ему когда-нибудь по-настоящему нужна, а сейчас он точно так же сомневается во мне.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.